

Светлана Талан

Надежда

*Хочу любить
и быть любимой*

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Светлана Талан

Надежда

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2010

УДК 821.161.1(477)
ББК 84(4Укр=Рос)

Талан С.

Надежда / С. Талан — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2010

Несчастливое детство оставило глубокие рубцы в сердце Павлины: она стыдится себя и избегает мужчин. Но мама всегда говорила, что любой кошмар заканчивается. И это время настало! Теперь Павлинка привлекательна и уверена в себе! Она знакомится с Юрой, и молодой человек открывает ей неизведанное чувство любви. Казалось, самое страшное уже позади, но вдруг Юра уезжает не попрощавшись. Что же такого он узнал?

УДК 821.161.1(477)
ББК 84(4Укр=Рос)

© Талан С., 2010
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2010

Содержание

Домик на колесах	6
Размышления о детстве	11
Ранние воспоминания	12
Ненавижу Андерсена!	17
Правда	21
Прощание с детством	31
Чудесное превращение Гадкого утенка	36
Неля	38
Первое свидание	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Светлана Талан Надежда

© Талан С., 2016

© DepositPhotos.com / ghoststone, chaoss, обложка, 2016

© Книжный клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2016

© Книжный клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2016

* * *

*Посвящаю всем мамам, которые с нами рядом, и тем, которых
уже нет*

Домик на колесах

Я перевернулась с боку на бок, вытянула отекавшие ноги и отложила в сторону недочитанную книгу. С верхней полки купе вагона было интересно наблюдать за убегающими вдаль стройными соснами. Они тянулись вдоль железной дороги уже сотни километров, иногда уступая свое законное место на земле небольшим деревням с далеко разбросанными один от другого домиками, поселкам и даже городам со своими неуклюжими новостройками-близнецами. Тогда вдаль начинали убегать дома и оставались позади жители населенных пунктов. Ночью я спала под монотонный убаюкивающий стук колес, утром позавтракала с соседями по купе, которые вскоре вышли на маленькой, затерянной среди множества сосен станции, и я осталась одна.

Я подумала о том, что почему-то в дороге, особенно в поездах, царит какая-то атмосфера доверия. Сначала придирчиво, с сомнением пассажиры осматривают своих новых соседей, бросая вскользь оценивающие взгляды, а потом, через какие-то полчаса, уже знакомятся и рассказывают друг другу о себе. Почему-то совсем незнакомым людям легче рассказать о самом сокровенном, открыть тайну и даже попросить совета. Домик на колесах, как когда-то в детстве я называла вагон, располагает людей к откровенности, и они с мало знакомыми соседями говорят о том, о чем не могут рассказать даже своим близким. Иногда они обмениваются адресами, телефонами и много лет поддерживают связь с теми, кого видели один раз в жизни и то несколько часов. Бывает и так, что при расставании забывают взять адрес доброго случайного соседа, а потом долгие годы память хранит его образ. Случается, что домик на колесах везет в себе любовь, и два одиноких сердца здесь встречаются друг друга, чтобы уже никогда не расставаться. Разве я не права?

Неужели ваша память не хранит образ какой-то старушки, давным-давно случайно встреченной в вагоне? Она вам, возможно, ничего не посоветовала, вы даже не поделились с ней ничем сокровенным, и, скорее всего, ее уже нет в живых, а вот нет-нет, да и вспомните ее с корзиной больших ароматных зеленовато-желтых осенних яблок. Может быть, она была одинокой, и ее могила давно заросла сорняками, о ней некому вспомнить, а ваша память, независимо от желания, хранит образ этой простой женщины. Я лежала и думала: почему так происходит? Возможно, зная, что нам придется провести несколько часов в одном вместительном домике, пожить под его общей крышей, всем вместе согреться в нем, мы на некоторое время становимся одной большой семьей. Входя в новую семью, мы хотим казаться лучше, чем мы есть, добрее, чем на самом деле, чище душою. И мы оставляем за порогом домика на колесах все свои плохие качества и с удовольствием делимся с соседом своим обедом, а потом и своими бедами, радостями, успехами. Став одной большой семьей, мы меняемся местами, без скандала, добровольно отдавая соседу свое удобное место, которое несколько часов назад с криками выбили для себя у кассира. На станциях мы провожаем своих соседей, помогая им дотащить до двери вагона тяжелые сумки, хотя на улице для случайного прохожего вряд ли будем это делать с таким удовольствием. Мы провожаем их, как давних добрых друзей, и когда заходят в наш общий домик на колесах новые пассажиры, встречаем их настороженными, изучающими взглядами, пряча подальше свои кошельки. Это в нашу семью вошел чужой человек, привнес дискомфорт. Но не проходит и часа, как мы к нему привыкаем, за одним столом пьем с ним чай, с удовольствием едим его домашнюю колбасу, принимая уже за своего.

«Да, интересные эти домики на колесах», – улыбнулась я сама себе и своим размышлениям и подумала: кто же будет теперь моим соседом? Ведь ехать мне еще долго. «Если молодая пара, то будет весело, – думала я. – Если женщина, будет интересно, если мужчина...» Я не успела закончить мысль, как поезд остановился на какой-то станции и громыхнула дверь

вагона. Из моего окна не было видно названия станции, но ведь все равно сейчас кто-то зайдет, внося с собой свежий воздух с улицы, и все расскажет.

Дверь моего купе отворилась, и в проеме появилась женщина лет сорока-сорока пяти.

– Слава Богу, успела! – сказала она, втаскивая впереди себя увесистую полипропиленовую сумку.

Она тяжело дышала и сразу же плюхнулась на сиденье, желая перевести дух.

– Здравствуйте, – сказала она, вытирая платочком пот с покрасневшегося лица. – А то я зашла и повела себя по-свински – забыла поздороваться.

– Здравствуйте, – отозвалась я, с любопытством ее рассматривая с высоты верхней полки.

Эта рано поседевшая и явно выглядящая старше своих лет женщина казалась уставшей, измученной работой и самой жизнью. Увы, красавицей назвать ее было трудно. Даже слова «симпатичная» или «приятная женщина» никак к ней не клеились. Она была полная, шея, выдающая возраст женщины, у нее практически отсутствовала, и казалось, что голова с толстыми обвисшими щеками сидит прямо на плечах. Серые волосы были коротко подстрижены и обрамляли ее красноватое лицо с невыразительными глазами и тяжелыми веками. Ее лицо не красили и редкие, но широкие светлые брови, и уж совсем портил большой мясистый нос, свисавший картошкой почти до линии узких прямых губ. Создавалось впечатление, что нос, не выдержав своего веса, просто поник.

– Ты, деточка, давно уже едешь? – обратилась она ко мне с традиционным вопросом, чтобы начать разговор.

– Меня зовут Поля, можно Паша, – представилась я. – А вас?

– Можно тетя Лида, – ответила она. – Долго тебе еще ехать?

– Долго, еще день и ночь. А вам?

– И мне долго, детка, – вздохнула она.

– Что же так невесело, тетя Лида? В гости едете?

– Дочка у меня, Аня, такого возраста, как ты, – как-то грустно произнесла женщина, и только теперь я заметила, что у нее заплаканные глаза и темные круги под ними, говорящие о бессонной ночи, возможно, не одной.

– Она заболела?

– Ох, не знаю даже, как и сказать. – Женщина тяжело вздохнула, внимательно рассматривая меня. – Хуже это болезни или лучше. Ты вот, Паша, красивая, зеленоглазая, губки яркие и без помады, и носик у тебя точеный, а волосы – просто загляденье!

– Рыжие, – встала я.

– Рыжие, но какие пышные, кудрявые, длинные! Наверное, мужики толпой бегают за тобой?

– Да прям уж и толпой! – улыбнулась я, ловко уйдя от ответа.

– А моя Аня красотой обделена. Да и в кого ей быть красавицей? У нас все в роду некрасивые. И муж у меня был, царство ему небесное, – женщина перекрестилась, – самый некрасивый парень в деревне. В молодости никак себе пару найти не мог – все девки от него шарахались. Вот он и прибил ко мне, тоже никому не нужной. Правда, человек был замечательный, жили мы с ним душа в душу, Аню в любви родили.

Женщина сделала паузу, очевидно перенеслась мысленно в далекое прошлое, а я молчала, не находя нужных слов.

– Говорят, от любви красивые дети рождаются, да видно, это все выдумки. Вроде бы и любили мы с мужем друг друга, а вот Аня... Ане досталось все худшее, что было в моей и мужа внешности, – сказала женщина, и мне стало искренне жаль ее дочь. – Конечно, мы ей с детства внушали, что не в красоте счастье, главное, чтобы судьба выпала хорошая. Говорили, потому что хотелось в это верить, и все силы потратили на то, чтобы воспитать ее

хорошей, доброй девочкой, да и хозяйкой на все руки. Учиться в город послали, она стала медсестрой. Как приедет в отпуск, спрашиваю: «Анечка, есть у тебя кто-то? Встречаешься с мальчиком?», а она мне в ответ: «Мама, посмотри на меня! Кому я нужна? Разве что какому-нибудь пьянице, который глаза зальет и не заметит, какой у меня нос». Она шутит, а у меня сердце кровью обливается. Для нас с отцом она ведь самая лучшая. Верить мне, Паша?

Я верила этой некрасивой женщине, если вообще применим такой эпитет к женщине. Не прошло и полчаса, как она вошла в купе, а я уже прониклась к ней доверием, и мне жаль ее и незнакомую мне Аню, ее дочь. Наверное, так бывает только в домике на колесах.

– Верю, верю, тетя Лида, – ответила я, невольно вспоминая о своем прошлом.

– А потом у нее появился парень. Отец не дождался этого момента – сердце схватило, и сразу умер. Может, оно и к лучшему, что он не дожил до сегодняшнего дня. Грех так говорить, но...

Женщина вытерла платочком набежавшую слезу и продолжила:

– Анечка на седьмом небе была от счастья, а я – тем более. Думала, услышал, наконец-то, Бог мои молитвы и послал дочери хорошего человека. Год они встречались, и дело шло к свадьбе. А потом он... Он ушел от Ани к ее подружке, бросив на прощание самое обидное: «Кому ты нужна, уродина?» Аня не выдержала этого и вскрыла себе вены. Хорошо хоть, что сделала она это на работе. – Женщина плакала без слез – видно, все уже выплакала. Потерев покрасневшие глаза, она продолжила: – Спасли ее, но она, глупенькая, твердит одно: «Не хочу жить, я никому не нужна, я – уродина».

– И что же теперь с ней? – с участием спросила я тетю Лиду.

– Забрали в психушку и держат там. Оттуда не выпустят, пока не перестанет думать о самоубийстве.

– Вы разговаривали с лечащим врачом?

– А как же! Разговаривала по телефону.

– Ну и что он говорит?

– Вроде бы немного успокоилась, не плачет уже, но жить не хочет. Впала в депрессию, потеряла интерес к жизни, не ест, не пьет... Я сначала думала: ну упорола глупость, порезала вены сгоряча, а теперь успокоится, одумается, а там, даст Бог, встретит нормального человека, и забудется былое. Время лечит и не такие раны. Ты знаешь, Паша, я и не собиралась ехать. Повидать-то ее хочется, но ведь время тяжелое, за рабочее место надо держаться, я еще не на пенсии. Да и расстояние огромное, билеты недешевые. Думала, лучше заработаю лишнюю копейку и ей перешлю, хоть какая-то помощь будет. Чего же лишний раз кататься туда-сюда?

– А потом все-таки решили поехать? – спросила я, чтобы поддержать разговор.

– А теперь надо ехать. Надо найти какие-то слова утешения. Я две ночи не спала, все пыталась придумать, что мне ей сказать, какие найти слова. Уже и билет взяла, и в поезд села, уже и еду, а что буду ей говорить, до сих пор не знаю. Понимаешь? Нет слов, как будто туман в голову влез, ничего не соображаю. Еду дочь спасать, а как это буду делать – не знаю, до сих пор не знаю, – вздохнула она.

– Надо внушить ей, что надежда есть всегда, – попробовала я дать ей совет.

– Как? Сказать, что случится чудо и однажды она проснется красавицей? – горько усмехнулась женщина.

– Во-первых, она должна полюбить себя такой, какая она есть, – с горячностью сказала я, свесив голову вниз.

– Да мы с мужем так ее и воспитывали. Но Аня уже взрослая девочка и реально смотрит на вещи. Конечно же, в больнице я опять буду ей говорить, что каждый человек заслуживает счастья, что встретила она не того, кого надо, а ее половинка где-то бродит, ищет ее. Я скажу, что счастье – это не только любимый рядом. Но, понимаешь, Паша, у нее чувствительная,

ранимая душа, и ей хочется простого женского счастья, хочется знать, что она кому-то нужна, что кто-то ее ждет.

– Так оно и будет! Разве можно отчаиваться из-за какого-то подонка?! Он того не стоит! – Я так пылко это говорила, что чуть не свалилась вместе с матрацем вниз.

Спрыгнув на пол, я перетаскала свои пожитки на свободную нижнюю полку. Найдя в сумочке резинку, я стянула ею свои пышные рыжие волосы в объемный пучок и уселась напротив тети Лиды. Присмотревшись к ней, я отметила, что переживания оставили след на ее лице. Теперь она мне не казалась такой уж некрасивой. За неприглядной внешностью скрывалась ее душевная красота, ее благие намерения и море тоски.

– Это я тоже скажу. Но будет ли ей легче, если ее избранника, пусть даже бывшего, я назову подонком?

– Самое главное – это надежда. Она никогда не должна покидать человека. Сейчас у вашей дочери ее нет, поэтому она не хочет жить. Вам надо дать ей ее, надежду. Понимаете?

– Я-то понимаю. А как ей донести все это? Как найти нужные слова?

– Скажите, что человек не должен терять надежду ни при каких обстоятельствах. На то мы и люди, чтобы надеяться на лучшее. Сегодня мы проснулись и надеемся, что будет хорошая погода, хотя синоптики пророчат нам дождь. Мы едем на работу и надеемся, что на дорогах не будет пробок, хотя они есть там каждый день. А еще надеемся, что день пройдет удачно, хотя знаем, что начальник – дурак и при любых обстоятельствах обязательно испортит настроение. Мы надеемся, что не заболеем гриппом, хотя все вокруг чихают. Нас треплет жизнь иногда так, что кажется, уже не найти выхода из тупика, но он есть, все равно есть выход, надо только надеяться! Даже в комнате без окон и двери найдется незаметная маленькая щель, нужно только надеяться и искать выход!

– Если бы я могла такими словами говорить! – вздохнула тетя Лида.

– Скажите ей, что даже смертельно больные люди надеются на то, что выживут, и некоторые остаются жить потому, что они верили, надеялись. Она же сама медработник и должна это знать. Даже у умирающего человека, который ясно осознает, что покидает этот мир, остается надежда, что после смерти его ждет другая, лучшая жизнь! – Я с таким жаром это говорила, словно передо мной была не тетя Лида, а впавшая в отчаяние незнакомая мне девушка Аня.

– Ты так красиво говоришь, Паша! – восхитилась женщина.

– Скажите Ане, что я читала в одной книге, написанной умным человеком, что удача, счастье бывают иногда коварны. Они имеют обыкновение пользоваться черным ходом и часто скрываются под маской неудачи. Один человек опустил руки, как она, и не заметил Жар-птицу счастья. А другой, в ком живет надежда, сорвет эту маску и увидит лицо счастья. Или просто дождется, когда счастьем надоест прикрываться маской и оно снимет ее, – говорила я, не зная сама, откуда у меня появилось сразу столько умных мыслей.

– Правда? – с надеждой спросила тетя Лида, и ее лицо стало на миг по-детски наивным.

– Конечно!

– Постараюсь ей передать все твои слова.

– Вот и передайте. Давайте закажем чай, – предложила я, решив, что чашка горячего чая немного успокоит несчастную мою попутчицу.

– Давай, – согласилась она.

Вскоре мы пили ароматный чай, дружелюбно поглядывая друг на друга. Тетя Лида немного повеселела и приободрилась.

– А откуда ты все знаешь? Ты ведь такая красивая, одета с иголочки и, наверное, счастливая.

– Вы думаете, у меня в жизни все было гладко?

– Думаю, что таких, как ты, уверенных в себе, красивых и умных, неудачи обходят стороной.

Я улыбнулась.

– Все так думают. Но и в моей жизни были черные полосы, тянувшиеся не один день. Я выжила благодаря надежде.

– Правда? – удивилась тетя Лида.

– Перед тем как стать красивой, мне пришлось побыть Гадким утенком, – горько усмехнулась я.

– Не может быть! – всплеснула руками женщина. – Я все время думала, что красивые счастливы уже от рождения!

– Не всегда, – сказала я, и в памяти моей всколыхнулось прошлое.

И тут мне захотелось рассказать этой женщине о своей жизни, начиная с того момента, как я стала осознавать себя. «Это все домик на колесах», – снова подумала я и сказала:

– Я хочу вам рассказать историю своей жизни. У вас с Аней будет время пообщаться. Рассказывайте ей все, что от меня услышите, не спеша, по частям, на ночь, как в детстве сказки, дав ей возможность подумать и сделать выводы. Может быть, мой рассказ поможет вернуть ей надежду. Мы с вами расстанемся на какой-то станции и никогда больше не увидимся. Конечно, мы могли бы обменяться телефонами или адресами, но тогда я не смогу рассказать вам всю правду. Я хочу помочь вам, вашей дочери, поэтому мой рассказ будет без обмана и без утайки. Я уверена, что он поможет вам спасти дочь, – твердо сказала я, окончательно решившись, и уселась удобнее напротив тети Лиды, приоткрывшей от удивления рот с узкими бесцветными губами.

Размышления о детстве

Мне кажется, что окружающий мир разделен пополам: в одном существует детство, во втором – взрослая жизнь, а дети и взрослые живут будто в разных странах. В детстве смотришь на мир, как на чудо, и умеешь видеть необычное в самом обычном, понимаешь, о чем говорят кошки и собаки, можешь надежно спрятаться под одеялом от привидения, а под столом построить свой собственный домик. Только в детстве руками можно дотянуться до радуги и искренне верить в то, что научишься летать, а утро навсегда избавляет от кошмара ночи. Детство замечательно еще тем, что у него нет прошлого, оно живет в своем настоящем, прекрасном и чистом мире. В детстве мы свободны от реалий жизни, и только будучи детьми мы – настоящие. Детей называют ангелами. Почему? Наверное, потому что они не знают чувства ненависти и живут в мире любви, где обиды тают от улыбки мамы, а каждый день приносит новые открытия. Детство – непорочное, оно святое, и бесценно тем, что не знает, как трудно быть взрослым. Оно заканчивается тогда, когда воспоминания вызывают грусть и хочется в него вернуться, а игрушкой становится сама жизнь. С годами память отсеивает все лишнее из детских воспоминаний, оставляя только радужное, светлое – то, чего не коснулась проза жизни. Взрослые всегда хотят вернуться в мир красоты, сказки и фантазии. Я помню свое детство до мелочей. Время стерло некоторые эпизоды, оставив место для воспоминаний о самом светлом человеке моего детства – о моей мамочке...

Ранние воспоминания

Из раннего детства я хорошо помню свою детскую кроватку, стоящую в спальне мамы и папы. Она мне казалась такой уютной, теплой и удобной. Особенно запомнилась подушка, на которой были маленькие желтые солнышки. Я любила их рассматривать перед сном. Мама, укладывая меня спать, заботливо укрывала одеялом, подтыкала его со всех сторон, гладила меня по волосам и целовала на ночь.

– Спи, мое солнышко! – говорила она, и я помню, как приятно звучал ее ласковый голос, успокаивал меня и убаюкивал.

– Это солнышко? – Я показывала пальчиком на рисунок на подушке.

– Нет, ты солнышко, причем самое лучшее.

– Почему?

– Потому что ты – мое солнышко, – улыбалась мама.

Я клала «ручки под щечку», как учили в садике, и зажимала глаза. Иногда мне ночью становилось страшно, но я не кричала, не звала на помощь, а просто выползала из-под одеяла и, сделав несколько шагов, попадала прямо в теплые и надежные мамины объятия. Нырнув к маме под одеяло, я прижималась к ней, и все мои детские страхи мгновенно улетучивались. Я всегда делала это молча и тихо, боясь разбудить спящего рядом папу. Сколько я себя помню, он все время ругался и кричал, поэтому я боялась его всегда. Этот страх жил во мне чуть ли не с самого рождения.

Утром папа всегда кричал на маму, упрекал в том, что она долго возится, что завтрак невкусный, что чай холодный – и так без конца. Мама сама меня одевала, вела в садик, целовала и просила вести себя хорошо. Вечером она забирала меня домой. Мы с мамой по дороге покупали мороженое, ели его, мама была веселой, играла со мной, а потом мы приходили домой и становились тихими мышками, боясь гнева папы. Я забивалась в угол и там на коврик раскладывала свои куклы и играла, шепотом с ними разговаривая. Когда я немножко подросла, меня стали отпускать поиграть к соседской девочке Вале, которая была чуть старше меня. Нам разрешали играть у них в саду. Летом там было хорошо, и мы строили шалаш в кустах сирени, стаскивали туда своих кукол и могли играть целыми днями. А вот когда наступали холода, папа запрещал мне ходить к соседям. Я была ребенком тихим и послушным и быстро усвоила, что к Вале можно ходить, только когда папы нет дома. Иногда Валя приходила ко мне, но сразу же прибегала ее мама и почему-то забирала мою подружку домой. Я тогда сделала вывод: тетя Валя тоже боится моего папу.

Меня всегда купала в ванне мама. Она напускала воду, мы делали много пенки и бросали туда игрушки. Мама меня раздевала, сажала в ванну и была рядом со мной, при этом всегда запирала дверь. Я купала свои игрушки, бросала в маму пенку, и нам было очень весело.

– Ты зачем закрываешь дверь?! – иногда раздавался папин голос. Он стучал в дверь, и от его громкого, грозного голоса мы обе притихали.

– Я купаю ребенка, здесь тепло, а там – холодно, – отвечала мама.

– Мне не холодно, – говорила я. – Мне тепленько.

– Открой дверь! – гремел голос папы.

Мама приоткрывала дверь, и папа стоял у двери, наблюдая за мной. Но при нем я уже не шалила и начинала пенкой тщательно мыть руки и волосы.

– Иди приготовь ужин, я ее буду купать, – сказал однажды папа.

– Не надо, я сама, – не согласилась мама и начала намыливать мне голову шампунем.

– Я сказал – иди! – закричал папа так, что я вздрогнула, а потом замерла.

– Нет, – спокойно, но твердо произнесла мама, продолжая мыть мне голову.

Я испугалась и, чтобы папа на нее не кричал, сказала:

– Я хочу купаться с папой.

– Вот видишь, Паша хочет купаться с папой, – сказал, улыбаясь, папа и начал раздеваться.

– Нет! – Мама встала между ванной и ним.

– Тварь! – крикнул папа так, что я испугалась и заплакала. – Уходи!

– Нет! Выйди отсюда. – Мама расставила руки в стороны, словно пытаясь меня от него защитить.

А я прижала к себе пластмассового утенка и заревела. Тогда отец с размаху ударил маму по лицу, и она, вскрикнув, упала в ванну и затихла. Я помню, как папа вытащил из воды обмякшую маму и отнес ее на диван, как я, вся в пене, вылезла из ванны и пошла за ними. Я плакала и, все так же прижимая к себе утенка, стояла возле мамы до тех пор, пока не пришла незнакомая тетя в белом халате. Она кинулась к маме, приподняла ее голову, и я увидела на подушке кровь.

– Мама! – закричала я, обмирая от страха, но мама не шевелилась.

– Убери ребенка, что ты смотришь! – крикнула незнакомая тетя папе.

– Я хочу к своей маме! – выкрикивала я сквозь плач, впервые потеряв страх перед отцом, и била его кулаками.

Папа кое-как одел меня и почти силой уложил в кроватку.

– Лежи тихо, а то убью! – наклонившись ко мне, сказал он так, что я сразу перестала реветь и натянула на голову одеяло.

Под ним я долго всхлипывала. Мне хотелось нырнуть под одеяло к маме, чтобы оказаться в безопасности, но ее не было.

На следующий день папа впервые повел меня в садик. Я показала ему, где находится моя группа.

– Где моя мама? – спросила я его.

– Мама в больнице.

– Почему?

– Она заболела.

– Папа, ты ее убил? – задала я ему недетский вопрос.

– Паша, мама сама упала в ванной, когда тебя купала, – присев на корточки, объяснил он.

– Папа, мама не сама упала, ты ее убил, – упрямо повторила я, решив, что папа забыл, как все было.

– Запомни, Паша, – папа больно потряхнул меня, – мама сама упала. Поняла?

– Да, – испугавшись, ответила я.

– Вот и умница. Повтори, что ты запомнила! – потребовал папа.

– Мама упала, – сказала я, и из моих глаз закапали слезы.

– Сама упала, – диктовал мне отец.

– Сама упала, – повторила я дрожащим от страха голосом.

– Что ты деткам скажешь?

– Мама сама упала, – тихо повторила я.

– Вот и умница, – похвалил меня отец и завел в группу.

Переодевшись, я выглянула в окно и, не увидев отца, сказала няне:

– Меня папа привел.

– Мы это видели. А где же мама? – спросила она.

– Мама в больнице, – сообщила я громко, чтобы все дети услышали.

– Мама заболела? – спросила воспитательница.

– Мама сама упала, – повторила я заученную фразу и добавила: – Ее папа ударил, и мама сама упала. У нее на головке была кровь!

Мой рассказ заинтересовал детей, и я вмиг оказалась в центре внимания.

– Вот зверь! Когда-нибудь он убьет эту несчастную женщину, – сказала воспитательница няне.

– А кто ей виноват? – отозвалась та. – Пусть бросает его и бежит подальше, куда глаза глядят!

– Куда ей идти-то? – Воспитательница вздохнула. – Некуда ей податься.

Из их разговора я тогда поняла одно: папа – зверь. А потом Алена протянула мне свою домашнюю куклу, и я забыла о подслушанном разговоре. Вечером меня никто не забрал, и воспитательница отвела меня в ночную группу.

– Побудешь какое-то время здесь, – объяснила она мне. – А мама выздоровеет и заберет тебя. Хорошо?

– Хорошо, – согласилась я, поняв своим детским умом, что здесь мне будет лучше, чем дома без мамы.

Забрать меня на выходные пришел папа.

– Мама болеет? – спросила я его.

– Да. Мама еще болеет. Одевайся, пойдем домой, – сказал папа.

Говорят, что дети быстро забывают плохое, в отличие от взрослых. Наверное, так оно и есть. На этот раз папа не ругался, и вечером я уже носилась по комнатам со своими куклами, забыв на некоторое время о маме. Отец накормил меня ужином и спросил:

– Паша, ты любишь своего папу?

– Люблю! – весело ответила я.

– Иди ко мне, – ласково сказал он и посадил меня на колени.

– Папа, ты колючий, – отметила я, трогая пальчиком его щеку. Было и страшно, и в то же время приятно от такого внимания папы.

– Покажи, как ты папу любишь, – попросил он.

Я крепко обняла его за шею и прижалась к колючей щеке. Я всегда так обнимала маму, когда мы бывали с ней одни.

– А теперь скажи, доченька: «Папочка, я тебя люблю», – попросил он, прижимая меня к себе.

– Папочка, я тебя люблю. – Я опять обхватила его за шею крепко-крепко, как только могла. – Ты будешь со мной играть?

– Буду. Во что ты хочешь поиграть?

– В лошадки! – обрадовалась я предоставленному мне выбору.

Папа стал на четвереньки, и я забралась на него. Он фыркал и брыкался, стараясь меня рассмешить.

– А теперь надо искупаться и ложиться спать, – закончив игру, объявил отец.

До этого меня всегда купала мама, и теперь я вспомнила о ней, потом о том, как папа ее ударил и она упала.

– Я хочу с мамой, – захныкала я, потому что мне вдруг стало страшно.

– Паша, мама сейчас в больнице, а ты грязная и потому нехорошая девочка. Папа напустит теплой водички, искупает тебя и уложит в кроватку. Хорошо? – Он обнял меня.

– Хорошо, – согласилась я. – Я хочу быть чистой девочкой.

Отец включил воду и набросал в ванну игрушек.

– Давай я тебя раздену, – и он принялся расстегивать на мне кофточку.

– Я сама умею, – запротестовала я. – Мы в садике сами раздеваемся.

– Я тебе помогу, – сказал он, продолжая снимать с меня одежду.

Он посадил меня в ванну, где было все, как при маме, – много пены и любимые игрушки.

– Паша! – позвал он меня. – Улыбнись, папа снимет тебя на камеру.

Я повернулась и, улыбнувшись, подбросила пенку вверх.

– Вот умница! – похвалил меня отец, и я начала шалить.

– Теперь поднимайся, вот так, хорошо. Аккуратненько выходи, бери полотенце, обмотайся, – говорил мне отец, продолжая снимать.

Мне понравилась такая игра, и я все делала так, как он хотел.

– Теперь иди в спальню. Нет, нет, не в свою кровать! Ложись на место мамы.

Я с удовольствием забралась на их большую кровать, а отец положил на тумбочку камеру и подошел ко мне.

– Надо тебя вытереть, а то замерзнешь, – сказал он, разматывая полотенце.

Он начал меня вытирать, а я засмеялась и сказала:

– Щекотно, папа.

– Раздвинь ножки, посмотрим, все ли у нас там в порядке? Ай-ай-ай, непорядок! Надо смазать кремом, – сказал он.

Так мне говорила и мама, и я позволила ему сделать это. Больше всего я боялась гнева папы, понимая, что должна делать все, что он скажет.

Отец надел на меня футболочку и укрыл одеялом.

– Давай спать, – сказал он, гася свет.

– А трусики? – спросила я.

– Не надо трусики, спи так. Обними своего папочку и покажи, как ты его любишь, – попросил он.

Я обняла его за шею и прижалась к нему.

– Я люблю тебя, папочка. Спокойной ночи.

Я почувствовала, что папа весь дрожит, и спросила:

– Ты замерз?

– Да, – ответил он. – Погрей меня.

Я прижалась к нему еще крепче и утонула в его объятиях. После купания мне захотелось спать. Но тут папа просунул свою руку между моих ножек. Мне было неприятно и страшно, но страх взял верх, и я лежала молча, прислушиваясь к движениям его пальцев у себя между ног. Когда все закончилось, я успокоилась и уснула.

До сих пор прекрасно помню тот день, когда вернулась из больницы мама. Увидев ее на пороге, я обрадовалась, подбежала к ней, и мама подхватила меня на руки.

– Солнышко мое, как ты? – спросила она, покрывая меня поцелуями.

– Мамоchка, я люблю тебя! – сказала я и обняла ее крепко за шею, а затем чмокнула ее не в щеку, как обычно, а в губы. Мама удивилась и нахмурилась:

– Почему ты поцеловала маму в губки?

– Я люблю свою мамочку, – объяснила я.

– Кто тебя так научил делать?

– Папа. Я папочку тоже люблю, – весело лепетала я.

– Ты... часто так целовала папу? – дрожащим голосом спросила мама.

Я не умела лгать, и мне было непонятно, почему мама так расстроилась из-за того, что я целовала папу.

– Я каждый день целовала папу в губки! – радостно сообщила я, а из маминых глаз сразу же закапали слезы. Чтобы показать, как я ее сильно люблю, я крепко прижалась губками к ее губам и поцеловала так, как меня научил папа. – Не плачь, – сказала я. – Хочешь, я тебя еще так поцелую? Я люблю свою мамочку.

– Нельзя так делать, – сказала мама.

– Но почему?!

– Давай с тобой займемся уборкой! – предложила мама.

Детство тем и прекрасно, что все быстро забывается. Вскоре я уже носилась с веником по комнатам, помогая маме.

Вечером мы были с мамой одни, и она расспрашивала меня, как мы жили с папой. Я ей все подробно рассказывала, а мама гладила меня по волосам и говорила:

– Солнышко ты мое, доченька моя...

Утром, когда я проснулась, мама сказала, что мы уезжаем. Я не понимала, что это означает, но мне понравилось запихивать своих кукол в сумки, а потом ехать в машине. Когда мы вышли из автомобиля, я впервые увидела поезд не по телевизору, а наяву. Мне он показался огромным и шумным, и я, испугавшись, прижалась к маминой ноге.

– Паша, не бойся, детка. Это просто поезд, и мы на нем сейчас поедem, – объяснила мама.

– Куда?

– Далеко-далеко.

Громыхающий поезд остановился, перестал гудеть, открылись двери вагонов, и я увидела, как из них выходят люди.

– Домик на колесах, – показала я пальцем на вагон.

Мы взяли сумки и уже направлялись к домику на колесах, когда появился папа. Он начал ругать маму и пытался забрать у нее сумки. Мама не отдавала ему сумки, что-то кричала, а я, словно зачарованная, смотрела, как в домик зашли люди, за ними закрылась дверь, и поезд тронулся. Я поняла, что нам не суждено уехать далеко-далеко, как хотела мама.

– Мама! – Я подергала ее за пальто, готовая расплакаться от досады. – Он уехал!

– Знаю, солнышко, знаю, – ответила мама, вытирая слезы.

– Мама, не плачь, – сказала я, решив, что мама расстроилась из-за того, что поезд уехал без нас. – Пойдем домой. Завтра еще приедет домик на колесах. Правда, мама?

– Паша, скажи, ты же любишь своего папу? – спросил отец, взяв меня на руки.

– Я люблю своего папочку, – ответила я и чмокнула его в губы.

Мама начала плакать.

– И тебя, мамочка, я люблю, – сказала я, протягивая к ней руки.

Дома мама с папой еще долго ругались, а вечером перенесли мою кровать в отдельную комнату. На ночь мама закрыла меня на ключ, оставив включенным светильник.

Ненавижу Андерсена!

В школу я пошла в шесть лет. К этому времени я уже неплохо читала и прочла сама много сказок. Я жадно поглощала знания, и мне все было мало. В итоге у меня начало падать зрение, врачи обнаружили близорукость. Так я стала носить очки.

У меня не было друзей и подруг. Я рано поняла, что отличаюсь от одноклассниц, прежде всего тем, что носила длинные платья и платочек на голове вместо модной шапочки. К тому же очки меня не красили. Девочки после уроков бежали домой, гуляли во дворе, ходили друг к другу в гости, а я шла в библиотеку и рылась в книгах – они были частью моей жизни. К себе домой я никого не могла пригласить – запрещала мама.

Я быстро выросла и даже не заметила перехода между детством и юностью. Несмотря на это, я многого не понимала. Я не знала тогда, почему папа подглядывал за мной из кухни через маленькое окошко, когда я купалась в ванной. Я не понимала, почему он часто бил маму, почему они ссорились. И еще я не могла понять, почему в холодное время года я должна ходить в платочке, а не в шапочке. Но я четко знала, что так надо, потому что так сказала мама, которую я очень любила. То, что говорила мама, я всегда беспрекословно выполняла. Мама к этому времени уже не работала и часто болела. И я спешила из библиотеки домой, зная, что иногда у мамы так болит голова, что она не может подняться с постели. Мне надо было подать ей утку, накормить и дать таблетки. Будучи второклассницей, я уже умела делать ей уколы, только мама заранее все подготавливала.

Когда я находила маму лежащей неподвижно и тихо постанывающей, я делала ей укол и сидела рядом, пока она не начинала осознанно смотреть на меня и разговаривать.

Говорят, что дети не умеют ненавидеть. Или это неправда, или я еще в детстве стала взрослой. Трудно сказать, когда я начала ненавидеть своего отца настолько же сильно, как и бояться. Я испытывала к нему недетскую ненависть из-за того, что он постоянно курил во всех комнатах, и мы с мамой задыхались от едкого табачного дыма. Я ненавидела его, когда он приводил своих друзей, и они пили водку, орали, матерились и курили всю ночь. Бедная мама разрывалась между мной и шумной компанией – она была у них на побегушках. «Что ты там возишься?! – кричал отец. – На столе пусто! Что подумают обо мне мои друзья? А что они могут подумать? Они и так видят, какая ленивая у меня жена». Я ненавидела его за то, что он постоянно бил маму. Я ненавидела его, когда он за обеденным столом дотрагивался до моих коленок, задрав подол моего длинного платья. Я ненавидела отца, но никогда не показывала этого. Я просто очень его боялась. Страх матери передался мне, он сросся со мной, стал частью меня, и я начинала дрожать, как только отец входил в дом.

Я умела прощать одноклассникам их издевки и обидные клички – «чучело», «очкарик», «дурочка». Я прощала соседской подружке Вале то, что она играла со мной только дома, а в школе делала вид, что меня не знает. Но я не могла простить папе его отношения к маме. По мере взросления в моей душе накапливались ненависть и гнев, росли подобно снежному кому.

Однажды, когда я училась в третьем классе, учительница прочла нам сказку Ханса Кристиана Андерсена «Гадкий утенок». Как только она произнесла слова «Гадкий утенок», все в классе захихикали и, поворачиваясь в мою сторону, тыкали в меня пальцами.

– Пашка – гадкий утенок! – сказал Коля, и все уже во весь голос засмеялись.

Учительница его, конечно, одернула, но на ближайшей перемене за мной уже бегала толпа мальчишек, выкрикивая обидную кличку «Гадкий утенок», которая сразу же ко мне прилипла. В этот день я не пошла в библиотеку, а побежала домой под улюлюканье глупых мальчишек.

– Мама! – закричала я с порога. – Я ненавижу Андерсена!

Уткнувшись в теплое мамино плечо, я расплакалась и все ей рассказала.

– Пашенька, глупенькая моя девочка, – стала успокаивать меня мама. – Ты плохо слушала сказку. Вспомни, чем она заканчивается. Гадкий утенок стал прекрасным лебедем, таким прекрасным, что его никто не узнавал и все любовались его красотой. Пройдет немного времени, и с тобой тоже произойдет такое превращение. Тогда уже никто и никогда не посмеет назвать тебя Гадким утенком.

– Когда это будет? – спросила я, перестав плакать.

– Это будет, когда ты окончишь школу и сядешь в поезд, который увезет тебя далеко-далеко.

– Я поеду в домике на колесах? – улыбнулась я.

– Да, моя девочка, да.

Я верила маме, потому что она никогда меня не обманывала. Тогда я поняла эту сказку по-другому, словно ее сочинила моя мама, а не известный сказочник, и она мне понравилась гораздо больше, чем сказка ненавистного Андерсена, придумавшего Гадкого утенка.

– Расскажи мне еще что-нибудь, – попросила я.

– Слушай. – Мама обняла меня и прижала к себе. – Когда ты окончишь школу и получишь золотую медаль, я соберу твои вещи и пойду провожать тебя на вокзал. Приедет поезд, ты сядешь в вагон и помашешь мне в окошко своей ручкой. Он повезет тебя в новую, красивую жизнь, где ты расцветешь, как весной распускается из робкого бутона яркий цветок. Твоей красоте будут завидовать все. Тогда ты сможешь ходить без платочка и отпустишь длинные волосы. Локоны будут красиво рассыпаться по твоим плечам и доходить до пояса. Ты будешь идти по улице в коротенькой юбочке, на высоких каблуках, и в твоих рыжих волосах будет играть солнышко, потому что оно любит тебя.

– Мама, это правда? – спросила я, дослушав эту красивую сказку.

– Правда. Я тебе обещаю. Только ты об этом никому не говори. Пусть называют тебя Гадким утенком, пусть. А ты наберись терпения и помалкивай о том, что я тебе рассказала. Они, глупые, забывают, чем закончилась сказка. Если ты им скажешь, что превратишься из Гадкого утенка в прекрасного лебедя, тебе никто не поверит. Верно?

– Да.

– Вот и не рассказывай никому. Пусть это будет нашей тайной. И ты удивишь всех!

– Да. Если я уеду, то как же ты?

– Я буду тебе звонить, писать длинные письма и ждать ответа.

– Я хочу уехать с тобой.

– Хорошо. Тогда договоримся так. Ты поедешь учиться и как только закончишь учебу, напишешь мне письмо. Я приеду к тебе, и мы будем вместе. Договорились?

– Да.

– Самое главное, Паша, – надо верить в эту сказку. Как только ты потеряешь надежду, счастливого конца не будет. Как бы трудно тебе ни было, что бы тебе ни говорили, верь, верь в счастливый конец. Обещаешь? – Мама пристально посмотрела мне в глаза.

– Обещаю, – твердо сказала я ей.

– Доченька, будет трудно, но я научу тебя всему тому, что поможет тебе преодолеть трудности. Самое главное – ты не должна отчаиваться, и делай то, что говорит мама.

– Хорошо, мамочка.

– Ты готова преодолеть все трудности?

– Да.

– Тогда начнем с малого. Я часто болею и не всегда могу приготовить поесть. Прежде всего ты должна научиться пользоваться газом и готовить обед.

– А Валя уже умеет готовить яичницу, – сообщила я.

– Валя старше тебя на три года, а умеет готовить только яичницу, – улыбнулась мама. – Значит, ей не суждено стать прекрасным лебедем. Давай начнем с картошки.

– И никакого Андерсена! – засмеялась я.

– Правильно, моя маленькая принцесса, – согласилась мама.

– Можно мне отпустить волосы, чтобы заплетать косички? – попросила я маму. – Я хочу такие длинные волосы, как у Вали.

– Нельзя. Пока нельзя. Пусть волосики дождутся своего часа, а потом вырастут быстро-быстро. А то сказка получится неправильной.

С этого дня мама стала постепенно учить меня всему. Правда, нам приходилось это делать, только когда дома не было отца. Мы с ней, как две заговорщицы, ждали с нетерпением, когда он уедет в Германию за очередной машиной. Я уже знала, что отец пригоняет из-за границы автомобиля, а потом их продает. В его отсутствие в нашем доме царил праздник. В глубине души я надеялась, что однажды отец не вернется, но он всегда возвращался. Мамина сказка запала мне в душу. Я поверила в ее магическую силу, и мне стало легче сносить обиды одноклассников и крики отца. Я жила этой прекрасной сказкой, которую знали только я и моя хорошая, любимая мамочка.

Однажды, вернувшись домой, я вошла тихонько, зная, что папа дома, – во дворе стояла его машина. Не найдя маму в кухне, я решила пойти в родительскую спальню. «Наверное, мама опять приболела и лежит в постели», – подумала я, идя по коридору, ведущему в спальню. Оттуда доносились странные звуки, но я не придавала этому значения. Дверь была открыта настежь, и я увидела отца, совершенно голого. Он лежал на маме и двигался так, как я видела по телевизору. От неожиданности я растерялась и застыла на месте. Мама, пытаясь столкнуть отца с себя, нащупывала рукой одеяло.

– Уйди! Ребенок смотрит, – сказала она.

Отец повернулся ко мне лицом и, с ухмылкой глядя на меня, продолжал ритмично двигаться.

– Лежать! – скомандовал он маме, словно собаке.

– Что ты творишь?! – крикнула она.

Отец, не сводя с меня глаз, сильно ударил маму по лицу. Она притихла, а я стояла с открытым ртом и от ужаса не могла пошевелиться. Я смотрела на него голого, видела, как он содрогнулся несколько раз, после чего громко рассмеялся.

– Что, Паша? Любишь своего папочку? – крикнул он.

– Ненавижу-у-у! – прокричала я, поражаясь своей смелости, и убежала к себе в комнату.

Закрывшись там, я долго плакала. Мама звала меня ужинать, просила открыть дверь, но я не могла. Мне было страшно и стыдно и жаль маму.

На следующий день после школы я, нырнув в дырку в заборе, оказалась в соседском дворе. Мы с Валею пошли в сад, и там я поделилась с ней своей тайной, рассказала об увиденном.

– Как ты думаешь, они занимались сексом? – спросила я свою старшую подругу.

– Называй это, как хочешь. Занимались сексом или, как девчонки говорят, просто тр. хались, – со знанием дела сказала она.

– Теперь у меня будет брат или сестра?

– Откуда ты это взяла?

– Ну, они же тр. хались.

– Ой, деревня! Дети не всегда получаются. Может быть, твоя мама бездетная, а может, отец надевал презерватив.

– А ты видела их?

– Кого?

- Не кого, а что. Презервативы.
- А что на них смотреть? Резиновые штучки, как воздушные шарики, только белые.
- А-а-а, – протянула я, не совсем поняв объяснение подруги.
- Я тоже буду тр. хаться с Серым, – заявила Валя, а я от удивления открыла рот.
- Да ты что?!
- Ну, не сейчас, конечно.
- А когда?
- Так... – Валя закатила свои карие глазки. – Сейчас мне двенадцать... Значит, года через три.
- Правда?
- Да! Представь себе, в него все наши девчонки влюблены по уши! А он ходит только со мной! – похвасталась Валя.
- И ты будешь раздеваться перед ним догола?!
- Страшно, но придется, – серьезно ответила Валя.
- А какой он, этот Серый?
- Ты что, своего соседа с другой стороны не знаешь?
- Сережка?
- Да. Именно он несет мою сумку из школы. Правда, мы с ним ни разу не целовались, но об этом ни одна живая душа не знает. – Валя перешла на шепот. – И ты никому не говори. Наши девчонки думают, что у нас все серьезно, и я им насочиняла, что мы уже целовались и все такое. Поняла?
- Ага, – шепотом ответила я. – Я никому не расскажу. Обещаю.
- А сама подумала, что мне совершенно не хочется целоваться с Сережкой, в которого влюблены все девчонки, тем более заниматься с ним сексом, от которого меня просто тошнило.
- Валя, а тебе нравится Андерсен? – спросила я подружку.
- Сказочник? Нет, не нравится. Я уже слишком взрослая, чтобы его сказки читать.
- А я ненавижу Андерсена, – призналась я, открыв еще одну свою тайну, которая для Вали ничего не значила.

Правда

Мне исполнилось четырнадцать лет, и события понеслись одно за другим. К этому времени кличка «Гадкий утенок» прилипла ко мне, как банный лист. Еще бы! Я ходила с короткой стрижкой, и мои пышные кудрявые рыжие волосы никак не хотели лежать в красивой прическе, они торчали во все стороны, как у клоуна в цирке. Мой красивый носик и щеки были усыпаны не очень яркими, но все же заметными пятнышками веснушек, а верхом на носу сидели большие очки с толстыми линзами. Брови были широкими и рыжими, а за искажающими линзами очков мои зеленые глаза казались совсем маленькими. Ресницы у меня были пушистые, густые, длинные, но совершенно прямые, а на концах даже и не рыжие, а белые. Может быть, красивыми были только яркие, сочные, словно спелая малина, губы, но они не спасали положения. Блуза с доверху застегнутыми пуговицами делала мою шею еще длиннее и тоньше, а всю фигуру делал бесформенной широкий и длинный сарафан, в котором мне хотелось быть похожей на школьницу из американского колледжа, но он болтался на мне, как на плечиках для одежды. Мама хотела, чтобы я так выглядела, и я слепо подчинялась ей, начиная догадываться, что все это делалось из-за отца. Но я была по-детски беспечна и в полной мере не осознавала опасность своего положения.

В конце лета с отдыха вернулся мой сосед Сергей. То ли я его давно не видела, то ли время пришло и я посмотрела на него другими глазами. Это был не тот длинношей угловатый мальчик, каким я его помнила. Его кожа была бронзово-черной от загара, плечи стали шире, исчезла подростковая угловатость, но самое главное, что я отметила, – это какие у него красивые карие глаза с живым, веселым блеском. Когда я видела его за забором, то чувствовала непонятное волнение и даже душевный трепет. Мама учила меня реально смотреть на жизнь, и я, еще раз критически оглядев себя в зеркале, поняла, что Сергей никогда не посмотрит на меня с интересом. С Вале́й, кстати, они расстались, и она уже была влюблена в другого мальчишку, так что Сергей был свободен. Но мне ничего не оставалось, кроме как вздыхать о нем по ночам и пытаться увидеть его в щель между досками забора.

Однажды ночью я не спала и размышляла о жизни. Я думала о маме, которая, казалось, еще совсем недавно была быстра в работе и весела, когда мы оставались одни. Теперь она все чаще и чаще болела. Она уже давно перестала следить за собой, не ходила к парикмахеру и свои рыжие волосы стягивала в пучок на затылке. Она не выщипывала брови и не красила ни их, ни ресницы, и они теперь были рыжими, как у меня. Лицо у нее стало более бледным, чем раньше, и на нем выделялось только несколько коричневатых пятнышек веснушек. Мы были с ней не только близки по духу, но и похожи внешне. И тут мне вспомнилось, как мама когда-то сочинила красивую сказку о моем чудесном превращении после окончания школы. Я жила столько лет, отказывая себе в общении с подругами, не бегала на дискотеки и не пыталась нравиться парням. Почему я не могу начать новую жизнь прямо сейчас? Завтра? В конце концов, что мне может сделать отец? Конечно, от него можно ожидать чего угодно, но я больше не могла, не могла и не хотела играть роль Гадкого утенка! Я хотела быть, как все, хотела носить шорты и футболку, короткие юбки, хотела выщипать свои мохнатые брови и покрасить их в черный цвет, хотела... хотела... Я просто хотела нравиться соседскому парню.

Мы с мамой были дома одни, и я могла, ничего не опасаясь, выйти ночью из своей комнаты. Нашупав ногами тапочки, я их обула, накинула халатик и пошлепала в спальню родителей.

– Мамуль, ты не спишь? – шепотом спросила я.

– Раз отвечаю – значит, нет. Давай, залазь. – Мама откинула угол одеяла и похлопала рукой по матрасу рядом с собой, приглашая лечь рядом.

Я быстренько нырнула под одеяло.

– А почему ты не спишь? – спросила я почему-то шепотом.

– Голова все еще болит.

– А ты таблетки на ночь пила?

– Угу. Не помогают.

– Тебе надо обязательно съездить в город на консультацию к хорошему врачу.

– Я знаю. Каждый день собираюсь и все никак не соберусь.

– Хватит откладывать! – заявила я. – Завтра же поезжай. Хорошо?

– Хорошо. Пока отца нет, съезжу. Ну, что моя принцесса расскажет?

– Мама, ты была красивой в молодости? – спросила я, хотя она была еще далеко не старой.

– Да. Говорят, я была красивой.

– И работала в школе?

– Да. Я была в районе самым молодым и перспективным директором школы, да к тому же красавицей. Все учителя, даже пожилые, с большим опытом работы, прислушивались к моему мнению и уважали меня. Вот так!

– А потом? Что было потом?

– Потом... потом я встретила твоего папу, и мы полюбили... нет, наверное, все-таки я его полюбила.

– Каким он был?

– Он приехал в наше село на крутой иномарке, каких у нас тогда никто еще не видел. На шее блестела толстая, в палец толщиной, золотая цепь с массивным крестом, волосы черные, блестящие, кудрявые, глаза карие, огнем страсти горят...

– Скажешь тоже! – ухмыльнулась я.

– Честное слово! Знаешь, какой мы были красивой парой! Нам все завидовали и, наверное, сглазили. – Мама тяжело вздохнула.

– Как же так получилось? Было все хорошо, а потом...

– Он мне рассказал, что работал за границей, а о том, что сидел много лет за решеткой, я узнала гораздо позже.

– Что?! Папа сидел в тюрьме? – Я чуть не подпрыгнула от неожиданности.

– Да, сидел. А зачем тебе, ребенку, это было знать? И что изменилось бы, если бы ты знала? Я просто в нем ошиблась, а когда это поняла, было уже поздно. Я сама не заметила, как под его натиском сникла, поддалась ему и перестала быть личностью. Страх сделал меня ничтожеством, дрожащим перед каждым его приходом по ночам и даже днем. И так продолжалось долгие годы.

– Ты сама ушла с работы?

– Сама. Когда поняла, что я никто, когда он начал меня бить, а меня замучили головные боли.

– Это случилось после того, как он ударил тебя в ванной?

– А ты не забыла? Ты была тогда совсем маленькой, и я думала, что ты ничего не помнишь. Да, после сотрясения мозга и травмы я уже не смогла работать. Да и вообще... – Мама притихла, и я не захотела больше говорить на эту тему, чтобы ее не расстраивать.

– А почему мы не уедем отсюда?

– Куда? У меня из родни никого нет – ты же знаешь. И как я, по-твоему, буду зарабатывать себе на жизнь? У меня даже пенсии нет. Но это уже не важно. Главное, что ты уедешь отсюда через четыре года. Правда ведь?

– Мама, я не смогу быть Гадким утенком еще долгих четыре года. Это ведь целая вечность!

– Паша, мы же с тобой договорились...

– Я просто больше не могу! Не хочу! – взвыла я. – Я устала, и я хочу быть, как все!

– Доченька... – Мама, как в детстве, обняла меня и прижала к себе. – Осталось совсем немножко, надо потерпеть. Понимаешь, у нас ведь нет другого выхода. Ты же знаешь отца...

– Мама, когда я была ребенком, ты сочинила красивую сказку, в ожидании которой я жила столько лет! – почти плача, с отчаянием сказала я. – Теперь я становлюсь взрослой и не хочу неизвестно сколько ждать чудесного превращения! Я хочу быть нормальным человеком сейчас, а не потом! Ты меня понимаешь?!

– Пашенька, я понимаю, понимаю тебя. Но что мы можем с тобой сейчас сделать? Мы полностью зависим от отца, от его воли и... его денег.

– Он запугал тебя, мама, настолько запугал, что ты стала, как пресмыкающееся. Ты не хочешь меня понять, не хочешь! – Я не выдержала и горько расплакалась, уткнувшись в мамино плечо.

– Я не вижу другого выхода, надо потерпеть. Осталось немного до того момента, когда ты окончишь школу и улетишь в большой город, навсегда позабыв этот кошмар. – Она гладила меня по стриженным волосам, и, слушая ее красивый спокойный голос, я понемногу успокаивалась. Он действовал на меня просто магически!

Но доводы мамы на меня все же не подействовали, и на следующий день я побежала к соседке.

– Тетя Даша! – крикнула я, постучав в дверь. – Валя дома?

– Дома. – Мама моей подружки открыла мне дверь. – Заходи, она спит. Ночь напролет, до самого утра простояла под забором с очередным женихом, а утром побросала в сумку книги и побежала в школу. А теперь пришла и дрыхнет. Иди, Паша, разбуди ее, пусть хоть поест.

Мне нравилась тетя Даша. Она была полненькой, кругленькой, но очень подвижной женщиной. Иногда она казалась грубой, но я знала, что она добрая женщина и гостеприимная хозяйка.

– Сейчас я ее подниму, – пообещала я тете Даше и зашла в комнату, где при закрытых шторах крепким сном спала Валя.

– Валюша, «вставай» пришел! – Я легонько тронула ее за плечо, выглядывавшее из-под одеяла.

– Кто пришел? – Валя подняла свою взлохмаченную голову и захлопала глазами так забавно, что я рассмеялась. – А-а, это ты... – разочарованно протянула она и опять бухнулась на подушку. – Представляешь, мне мой Колян снился.

– И что же вы с ним делали? – шепотом спросила я.

– Целовались, как вчера. Ой, Пашка, если бы ты знала, как он целуется! Обалдеть! – Валя закатила глаза.

– А когда целуется, слюнявит твои губы?

– Пашка! Ну ты просто глупый ребенок!

– Вы целовались и все?

– Ты что?! Сразу все нельзя. Надо еще посмотреть, что он за птица. – Валя явно окончательно проснулась. – Я, похоже, втюрилась в него по уши. Правда, говорят, что он ни с кем долго не встречается. Потаскается немного с одной, потеряет к ней интерес, и – сразу к следующей.

– Не надо настраиваться на плохое, – посоветовала я ей на правах подруги, пусть и младшей. – Пройдет время – видно будет.

– И то так. А ты по делу или просто поболтать?

– И просто, и по делу. Я хотела у тебя попросить кое-что. – Я замялась.

– Проси, чего уж там.

– Отца и мамы нет дома, и я хотела бы у тебя попросить примерить что-нибудь модненькое из одежды, – наконец решилась я сказать, зачем пришла.

– Без проблем. Я вообще не совсем понимаю, зачем тебя так наряжают. Почему ты не приведешь себя в порядок? – спрашивала Валя, вставая с постели.

– Отец у меня дурак, – вздохнула я.

– Я слышала от своих краем уха о его... А впрочем, не мое это дело. Этот топик подойдет? – Она подала мне красивую голубую маечку на тоненьких бретельках.

– Ага! – обрадовалась я. – А юбочка есть?

– Зачем тебе она? Возьми вот шорты джинсовые. Они коротенькие дальше некуда. Подойдут?

– Конечно!

– Сарафанчик примеришь?

– Нет, спасибо! Хватит и этого. Только я дома, можно? – спросила я, прижимая к груди одежду.

– Ради бога, бери. Можешь поносить, если захочешь. Вещи высший класс!

– Правда?! – Я в восторге теребила одежду в руках.

– Сколько хочешь, – сказала, улыбнувшись, Валя.

– Ну, я пойду? – почему-то робко спросила я, чем развеселила подругу.

– Давай-давай! – засмеялась Валя.

Я ловко пролезла в дыру в заборе и с опаской зашла в дом. Мамы дома не было – она все-таки поехала к врачу на консультацию. Отец должен был вернуться только завтра утром, но его стойкий запах – запах табачного дыма, смешанный с перегаром, – напоминал о нем во всем доме, кроме моей комнаты. Казалось, что его злость жила здесь, независимо от того, дома он был или нет. Я на цыпочках прошла по всем комнатам, заглядывая по углам, и, убедившись, что отца действительно нигде нет, спокойно прошла в свою комнату. Достав из потайного места в своем шкафу трусики, представляющие собой две узенькие полосочки, я их натянула, любуясь своей обнаженной фигурой. Конечно, женственной ее назвать было трудно. Угловатые плечи, тоненькие, как ниточки, руки, маленькие, еще не совсем сформировавшиеся груди, талия, которую можно обхватить двумя руками, и длинные, тонкие, но ровные ноги, – все это говорило о том, что я еще подросток, но подающий большие надежды. Я покрутилась перед зеркалом, представляя, какой будет через несколько лет моя фигура, и осталась довольна собой. Натянув коротенький голубой топик прямо на голое тело, я скрыла часть своей худобы и впрыгнула в шорты. Они были мне немного велики, но все же бедра не давали им сползать. Повернувшись спиной к зеркалу, я заметила, как из них игриво выглядывает нижняя часть моих ягодиц.

– Класс-с-с! – пропела я Валино слово.

Поднимать взгляд выше, конечно, не стоило. Все портила моя лохматая рыжая голова и грубоватые очки с толстыми линзами. Я побежала в комнату родителей и нашла там бейсболку отца. Спрятав под нее непослушную копну волос, я сняла очки и положила их на тумбочку. Так было гораздо лучше, а может, я просто не видела своих недостатков без очков, будучи близорукой.

Надев шлепки, я впервые в таком наряде вышла из дома. Я ждала этого момента много лет, предвкушала его по ночам, грезилась, как о чем-то далеком и неосуществимом, готовилась к нему, но мне вдруг стало очень страшно. Я почувствовала себя совершенно голой, незащищенной, словно меня раздели и выставили на всеобщее обозрение, и я остановилась на крыльце как вкопанная, не зная, что делать дальше.

Приятный, теплый осенний ветерок обдувал мое тело, щекотал, игриво касаясь кожи, и вскоре немного остудил мои пылающие огнем щеки. Сובлазн показаться соседу Сережке в таком виде был сильнее сомнений и страхов, и я смело шагнула во двор, чуть не упав

со ступенек, которые не увидела без очков. В саду я бросила быстрый взгляд за ограду, во двор соседей, но, если Сергей и был там, я не увидела его. Включив воду, я взяла резиновый шланг и принялась поливать петрушку, которая после стрижки опять зазеленела. Вообразив, что за мной из-за забора с интересом наблюдает объект моего внимания, я легко перепрыгивала через грядку и напевала какую-то мелодию. «Наверное, Сережка увидел меня и не узнал, – размечталась я. – Решил, что к нам приехала гостя. Он полюбовался ею, а потом, присмотревшись к лицу в веснушках, узнал меня и подумал, что был идиотом, раз до сих пор не сумел заметить красоту и привлекательность своей соседки, спрятанную за широким мешковатым сарафаном».

Из-за шума воды я не услышала, как к нашему двору подъехал автомобиль. Вскоре без очков мне стало дискомфортно, и, решив, что они меня не испортят, я положила шланг в междурядье и побежала за ними в дом. Витая мыслями где-то далеко, я утратила бдительность и не заметила сандалий отца, которые появились в коридоре. Заскочив в свою комнату, я подбежала к зеркалу, захотев еще раз полюбоваться собой. Заглянув в него, я вздрогнула и вскрикнула от неожиданности. Прямо за собой я даже без очков увидела ухмыляющегося отца. Резко развернувшись, я бросилась к выходу, но было уже поздно. Он схватил своей могучей липкой лапищей меня за руку, и я задергалась, как рыба на крючке.

– Иди к своему папочке, – произнес он похотливым тоном.

– Пусти! – крикнула я, пытаюсь высвободить руку.

Я почувствовала себя ужасно неловко в такой вызывающей одежде. Сердце трепетало от страха, словно пойманная птичка, и я залилась краской.

Внезапно отец резко притянул меня к себе одним сильным движением, и его рука мгновенно скользнула под мой короткий топик, больно сжала маленькую грудь. Я хотела закричать от охватившего меня ужаса, но его рука, оставив в покое грудь, зажала мне рот.

– Тихо-тихо-тихо, – горячо зашептал отец, пытаюсь просунуть вторую руку мне в шорты.

Наверное, в этот миг во мне сработал древнейший инстинкт самосохранения и я, собрав все силы, начала вырываться, орать, царапаться, извиваться, как змея, и бить его по лицу. Это его распалило еще больше, и он набросился на меня, словно дикий зверь на свою жертву.

– Иди ко мне, иди ко мне! – говорил он, а я во время этой борьбы почувствовала, как затрещала разрываемая ткань, и вскоре от топики остались только голубые клочья, валявшиеся на полу.

Я упала, пытаюсь выскользнуть из-под него и уползти, но отцу удалось схватить меня за шорты. Я изо всех сил рванулась вперед, и шорты остались у него в руках. С прыткостью ящерицы я помчалась в одних плавках к соседям, нырнув в дырку в заборе. Не стучась, я влетела в дом, вся дрожа от страха, исцарапанная и с перекошенным от ужаса лицом, и попала прямо в теплые объятия тети Даши. Я сразу же разрыдалась, уткнувшись ей в грудь.

– Помогите мне, спасите меня, мне страшно! – лепетала я сквозь слезы.

– Что стоишь?! – закричала тетя Даша вытаращившей глаза Вале. – Дай халат!

Валя побежала в свою комнату и тут же вернулась с халатом в руках. Тете Даше стоило немалых усилий немного меня успокоить, оторвать от себя и одеть. Я продолжала плакать и дрожала от страха. Мне казалось, что отец сейчас ворвется в дом, и я уже не смогу ничего сделать.

– Топик, топик! – сквозь всхлипывания произнесла я с отчаянием.

– Да черт с ним, с этим топиком, – успокоила меня Валя. – Что же это делается, а?

– Ну, все-все, вытри слезки, все уже позади, – приговаривала тетя Даша, поглаживая меня по плечам. – Это отец?

– Угу, – покивала я.

– Скотина! Какая же он скотина! Он тебе не причинил вреда?

– Не-а, – отрицательно помотала я головой.

– А матери дома нет?

– Она поехала в больницу.

– Надо вызвать милицию, – решительно сказала тетя Даша. – Пусть его упекут туда, откуда он пришел! Извращенец! Изверг!

– Не надо милицию! – взмолилась я. – Прошу вас, не надо. Он убьет и меня, и маму.

Я подумала о том, что о моем позоре узнает все село, люди будут тыкать в меня пальцами и за спиной обсуждать, смакуя все детали. Мне стало страшно за себя и за маму. Я чувствовала себя опозоренной, униженной и очень глупой.

– Не надо никакой милиции! – уже твердо сказала я и утерла слезы. – Можно я у вас дождусь маму?

– Что же это делается?! – сокрушалась тетя Даша. – Мир перевернулся! Что творится вокруг?! Бедный ребенок! А Аля? Какая была женщина! И что он с ней сделал?! Жалко смотреть на несчастную. Говорила я твоей матери: «Зачем тебе этот Андрей?» Слухи о нем нехорошие ходили, а Аля не верила. Любовь у них, видите ли. А может, и не было никакой любви, а просто Аля побоялась остаться одна с маленьким ребенком на руках? А я ей говорила: «Что ты боишься? Не ты первая, не ты последняя – дите сама воспитаешь. Дом ты от горono получила...»

Я, хотя и плохо соображала в тот момент, была поражена словами тети Даши, как ударом молнии. Я вытаращила на нее глаза и сидела с открытым ртом. До тети Даши дошло, что она сболтнула лишнее, и она с виноватым видом замолкла на полуслове и прикрыла рот рукой.

– Как... с ребенком? Я уже была у мамы, когда она познакомилась с... – Я не закончила фразу, не сумев назвать эту гадину отцом, и после паузы добавила: – С Андреем?

– Прости, Пашенька, прости, дуру старую, – запричитала тетя Даша. – Я не хотела, видит Бог, не хотела этого говорить! Сама не знаю, как с языка сорвалось! Не мое это дело, да и слово я Але дала, что буду держать все в тайне. А я и не знала, что тебе до сих пор никто не рассказал. В селе ведь живем, не в городе. На одном краю собака залает – на другом все слышат...

– Значит, он не мой отец? – спросила я упавшим голосом.

– Не знаю я, детка, ничего не знаю! – твердила раздосадованная тетя Даша. – Кто отец ребенка, только мать знает, вот и поговори с ней. А я ничего не знаю. Недаром мой Вася говорит, что у меня язык, как помело. Обижалась я на него всю жизнь, а теперь сама вижу, что он прав был.

– Мама, – перебила ее Валя, – хватит причитать. Дай одеяло, видишь, как она дрожит? А я пойду чай приготовлю.

– С малиной и мятой сделай! – крикнула ей вдогонку тетя Даша.

– А малина тут при чем? – послышался из кухни голос Вали. – Она от простуды, вот мята – это другое дело. Она успокаивает нервы.

– Но я же Андреевна... – Сидя на диване и дрожа то ли от пережитого стресса, то ли от страха, то ли от неожиданной новости, размышляла я. – Значит, он меня удочерил?

– Я же говорю, Паша, не знаю я, ничего не знаю, – стояла на своем тетя Даша.

– Но ведь у нас с мамой одинаковая фамилия. Мы обе Романюк, а отец и мама брак не регистрировали, он Гаврилов, Гаврилов Андрей. Тогда почему я Андреевна, если я родилась до встречи мамы с ним? – Я продолжала вслух размышлять, но ничего не складывалось.

– Не забивай, детка, голову глупостями, – заботливо кутая меня в одеяло, сказала тетя Даша. – Попей чаю и приляг. Вот, возьми две таблетки валерьяночки, они помогут тебе успокоиться.

Я машинально протянула руку, взяла таблетки, проглотила их и выпила чай, не чувствуя вкуса. Положив голову на подушку, я прикрыла глаза, а тетя Даша с Валею задернули шторы и тихонько вышли. Теперь я не могла понять маму. Что же ее держало? Почему она захотела быть с этим человеком, который даже не приходится мне отцом? Почему она терпела мои и свои унижения столько лет? Чем больше я думала, тем больше вопросов возникало, и ни на один я не находила ответа. Меня перестала бить нервная дрожь, по телу разливалось приятное тепло, и меня охватила легкая дрема. Вскоре я почувствовала, что попала в крепкие объятия сна...

– Паша, доченька! – услышала я рядом знакомый и такой родной голос мамы. – Просыпайся.

Я подняла тяжелые веки и увидела маму.

– Мамочка! – Я обхватила ее за шею и готова была вновь расплакаться.

– Девочка моя, вставай, надо идти домой. – Мама протянула мне мои очки, и я благодарно улыбнулась ей.

– Куда идти?

– Домой. Куда же еще?

– Я не пойду, – сказала я, с ужасом представив встречу с отцом.

– Не останешься же ты здесь. Надо идти домой, – ласково, но настойчиво говорила мама, поглаживая меня по волосам.

– Он там? – спросила я.

– Никого нет дома. Только ты и я. Вставай, пойдем.

Мне ужасно не хотелось возвращаться домой. Я готова была бросить все и бежать на край света, чтобы никогда больше сюда не возвращаться. Но у мамы были такие грустные, несчастные глаза, и в них читалась такая безысходность, что в следующее мгновение я готова была уже прыгнуть в геенну огненную, лишь бы в этих глазах хоть на миг засветились искорки счастья.

– Мамуль, – я подбадривающе ей улыбнулась, – пойдем домой.

– Даша, спасибо тебе, родная, – сказала мама, прощаясь с соседкой.

Тетя Даша молча кивнула и вытерла набежавшую слезу своей мягкой, пухленькой ладошкой.

Я постаралась не показать маме, какое волнение охватило меня, как только я переступила порог дома. Зайдя в свою комнату, я не увидела на полу разорванного топики, в котором мне пришлось походить всего нескольких счастливых минут. Я молча сняла Валин халат и надела блузу, застегнув доверху все пуговички. Сверху я надела широкий длинный сарафан, скрывший все прелести моей тоненькой фигурки, и стала похожа на огородное пугало. Удивительно, но мне сразу же стало спокойнее, и я почувствовала себя увереннее.

– Мама, что сказали тебе врачи? – спросила я, вспомнив, где была мама и что я до сих пор не поинтересовалась результатом поездки.

– Назначили лечение – таблетки, уколы, капельницы. Теперь надо договориться с медсестрой, чтобы приходила два раза в день – утром и вечером.

– Почему тебя так мучают головные боли?

– Да кто его знает? Сказали: «Пролечишься, и все будет хорошо». Это ведь голова, в нее не заглянешь. – Мама старалась говорить весело, но от меня не укрылись нотки грусти в ее голосе.

– Тебе даже не назначили обследование?! – удивилась я.

– Нет. – Мама замаялась и отвела глаза в сторону.

– Мама, – сказала я и потащила ее за руку на свой диван. – Давай сядем и поговорим начистоту. Я же вижу, что ты говоришь мне неправду. Расскажи мне все.

– Я отказалась от обследования.

- Почему?!
- Для этого надо было лечь в больницу. А разве я могу оставить тебя одну дома?
- Ну, ты же могла столько лет мне врать, что он мой отец?! – сказала я грубовато, резко, сделав ударение на слове «он».
- Откуда... Кто тебе сказал? – голос мамы прозвучал глухо и как-то виновато.
- Мне сразу стало ее жаль и стыдно за свой непростительно грубый тон.
- Мапочка, – я придвинулась к ней поближе, – не важно, кто и что сказал. Для меня важно услышать правду от тебя и только от тебя.
- Правду?
- Да, мама. Я уже выросла и хочу все знать. Я ни за что тебя не осуждаю, ни в чем не упрекаю. Я приму все, что ты скажешь, любую правду, какой бы горькой она ни была, – сказала я, положив голову ей на плечо и поджав под себя ноги.
- Какую правду ты хочешь знать?
- Как я появилась на свет?
- Как все дети – в роддоме, – попробовала пошутить мама.
- Это понятно. Кто мой родной отец?
- Он приехал в наше село в начале перестройки. Тогда все предприимчивые люди создавали кооперативы. У нас в селе была раньше небольшая швейная фабрика, где шили спецодежду. Затем ее, как и все остальное, разворовали и закрыли. Пустующее здание фабрики хорошо сохранилось, и в нем решил организовать кооператив один человек.
- Кем он был до этого?
- Каким-то научным сотрудником.
- Сколько тогда тебе было лет?
- Мне – двадцать один, но я была уже директором школы и жила в этом доме. Его мне выделили как молодому специалисту. А ему было тридцать лет. Но мы не замечали разницы в возрасте. Когда любишь, на это не обращаешь внимания. – Мама окунулась в воспоминания, а я боялась пошевелиться, чтобы не перебивать ее. – Любовь, доченька, слепа. Это была безумная любовь с первого взгляда. Казалось, так будет вечно. Я была счастлива, как никогда в жизни. Это огромное счастье – любить и быть любимой. Когда-нибудь ты, Паша, испытаешь это чувство и поймешь меня. Мы жили и дышали друг другом.
- И чем он здесь занимался?
- Открыл кооператив по пошиву джинсовой одежды. Тогда те, кто попал в струю, стали богатыми людьми... Да не это я хотела сказать. В общем, через год я забеременела.
- Он был не рад? – спросила я, прервав повисшую паузу.
- Да нет же, он был рад!
- Вы поженились?
- Нет, мы не регистрировали свои отношения, – грустно сказала мама.
- Почему?
- У него было очень много работы. Может, ты меня не поймешь, но тогда было трудное время. Ему надо было уезжать за материалами, отбиваться от налоговой и бандитов, следить за швейным оборудованием, соблюдением технологий, людьми. А еще кооперативы часто жгли, на них наезжали бандиты, и везде надо было успевать. В общем, он сказал, что мы поженимся, но чуть позже, после того как родится ребенок.
- И ты согласилась?
- Вообще-то было не совсем прилично директору школы родить внебрачного ребенка, но мы были вместе, мы были счастливы, я – слишком молода и готова объять необъятное.
- Что же все-таки случилось?
- В восемьдесят восьмом я родила тебя и в тот же день меня пришла провести мастер из его цеха. Звали ее Любочка. Так вот, эта Любочка рассказала мне, что у моего любимого

есть семья. Он, по ее словам, уже давно женат и у них растет сын, которому на то время было восемь лет.

– Может, это были враки? – спросила я, почему-то на это надеясь.

– Нет. Он пришел ко мне после Любочки, устал перед роддомом весь асфальт ромашками... Ты же знаешь, я всегда любила ромашки. Я спросила, правда ли, что у него есть жена и сын, и он честно ответил: «Да». Это слово было для меня подобно удару молнии.

– И что было дальше?

– Дальше? Мир вокруг меня померк, возможно, и жизнь угасла бы, но у меня была ты – маленькое мое чудо.

– Рыженькое чудо, – вставила я.

– Которое и спасло меня тогда и ради которого я живу до сих пор, – заключила мама.

– А что с ним было потом?

– Он продал весь свой бизнес и уехал на Север. Вот и все. Я не смогла простить обман.

– Как его звали?

– Андрей.

– Как его? – у меня язык не повернулся произнести слово «отец».

– Да, как его.

– А когда ты познакомилась с ним? – спросила я, имея в виду отца.

– Когда тебе было два годика.

– Ты его любила?

– Знаешь, Паша, когда уехал Андрей, я решила всю свою жизнь посвятить тебе. Но ты не представляешь, какие трудные времена я переживала тогда! Мне так хотелось сделать тебя счастливой! А тут появился Андрей. Я думала, что все чувства во мне умерли навсегда, но он был мил, ласков и так заботился о тебе, что я не заметила, как влюбилась, и мы стали жить вместе...

– Заботился обо мне? – удивилась я и с горькой иронией в голосе добавила: – Как сегодня?

– Он говорил, что работал где-то за границей и приехал в село, чтобы укорениться здесь. Тогда я не знала, что он... что он...

– Он уже тогда проявил интерес ко мне? – спросила я.

– Я это заметила не сразу – клянусь!

– Что же мы будем делать дальше? – Я горько усмехнулась.

– Будем жить. Осталось всего четыре года.

– Гадкому утенку до чудесного превращения осталось всего четыре года? – иронично произнесла я.

– Понимаешь, Паша, у нас нет другого выхода. Нам нужны деньги, а я не могу зарабатывать тебе на учебу.

– Мама, давай уедем вместе! – пылко сказала я. – Не надо мне никаких денег! Проживем как-нибудь вдвоем!

– Как? – Мама пожала плечами. – У нас нет денег даже на жилье.

– Тогда выгони его отсюда! Это же твой дом!

– Ты думаешь, я не пыталась? Сто, тысячу раз – бесполезно. Чем все заканчивается, ты знаешь.

– Все равно должен быть какой-то выход! – Я не могла так просто с этим смириться.

– Но ведь у нас есть надежда, наша надежда. Нам предстоит ею жить всего лишь четыре года!

– Я не знаю, мама, как мы их проживем, но, если ты считаешь, что это единственный выход, я согласна терпеть четыре года, – сказала я, подумав, что мама, наверное, все-таки права. – И я больше никогда не буду снимать свой мешок.

- Какой мешок? – мама не сразу поняла, что я имела в виду.
- Сарафан! – засмеялась я.
- Ничего, доченька, будет и на нашей улице праздник! Мы еще покажем, чего мы, рыжие, стоим! – со смехом произнесла мама.
- Мама, скажи честно, за что он сидел? – спросила я, и мама перестала смеяться.
- Ты хочешь знать правду? – уже серьезно спросила она.
- Да, – ответила я твердо.
- Какой бы горькой она ни была?
- Да.
- За педофилию. – Это прозвучало грустно и в то же время сурово, как приговор судьи.

Прощание с детством

Итак, я по-прежнему жила в родительском доме. Образ соседского паренька, когда-то такого желанного, ушел в небытие в тот день, когда я поняла, что мне еще четыре года придется играть роль Гадкого утенка. Я перестала мечтать о нем. Так бывает, когда мы понимаем, что до звезд нельзя дотянуться рукой, к ним можно только долететь, а крылья у меня были связаны. Я надевала свои монашеские одежды уже не с отвращением, а с удовольствием. Наверное, так чувствует себя черепаха под панцирем – ужасно неудобно, зато надежно.

Мне казалось, что отец после произошедшего притихнет и станет ценить благородство матери, которая не написала заявление в милицию после того ужасного случая. Но чувство благодарности ему было несвойственно. На следующий день он пришел домой пьяным в стельку, с наглой рожей, и ночью, закрыв меня в комнате, опять избил мать.

Я не подавала виду, что мне известно о его темном прошлом и о том, что он мне отчим. Об этом меня попросила мама, а я всегда делала так, как она говорила. Мы теперь были с ней, словно две заговорщицы, и с еще большим нетерпением ждали момента, когда останемся дома одни. Тогда мы садились с ней рядом и, прижавшись друг к другу, мечтали о будущем. Эти светлые мечты давали нам силы жить и не впадать в отчаяние.

К маме все чаще приходила медсестра делать внутривенные уколы и ставить капельницы, и я научилась делать это сама и твердо решила стать врачом.

В один из зимних вечеров маме было очень плохо. Она перестала воспринимать то, что я ей говорила. Даже после уколов ей не стало лучше. Мне пришлось вызвать участкового врача. Доктор над ней долго колдовала, а потом велела мне собрать вещи, чтобы везти маму в больницу.

– Не надо, – прошептала мама, едва сознание к ней вернулось. – Я никуда не поеду.

Только мы с ней знали, почему она пошла на такую жертву. Когда мы остались дома одни, я прилегла с ней рядом и, укрыв одеялом, обняла ее. Я очень боялась потерять ее и лежала не шевелясь, стараясь даже дышать тихонько, чтобы не потревожить ее покой.

Уже далеко за полночь мама почувствовала себя лучше.

– Ну что, мой домашний доктор, – сказала она, заметив, что я не сплю, – напугала я тебя?

– Ага, – призналась я и шутливо пригрозила ей пальчиком: – Больше никогда так не делай.

– Не буду, – мама улыбнулась одними уголками губ. – Паша, я давно собиралась показать тебе свой тайник, да все откладывала на потом. А сегодня подумала, что поступала глупо. Если бы со мной что случилось...

– Мама, – я с упреком посмотрела на ее бледное лицо, на котором начинал появляться легкий румянец, – не говори глупостей и не пугай меня.

– Нет, правда, Паша, мне надо что-то тебе показать.

– Ты нашла клад? – пошутила я.

– Нет, я его сделала сама. Для тебя.

– Это становится интересно!

– Помоги мне встать, – попросила мама.

Я поддержала ее, и мама, пошатываясь, поднялась с постели и надела теплый халат.

– Идем, – подмигнув мне, сказала она и увлекла за собой по коридору, туда, где была лестница, ведущая на чердак.

– Хорошо, что у нас не водятся привидения, а то я не пошла бы с тобой, – улыбнувшись, сказала я матери.

– Нам одного привидения хватит. Как войдет в дом – всем надо прятаться, – горько пошутила мама, медленно поднимаясь по винтовой лестнице.

Мы поднялись на чердак и включили свет. Единственная лампочка горела тускло, и от скопившегося хлама падали в разные стороны расплывчатые пугающие тени. У меня по коже пробежали мурашки, и я с опаской огляделась.

– Закрой дверь на крючок, – попросила мама и, увидев мои круглые от страха глаза, добавила: – Так, на всякий случай.

Я вернулась к двери, прислушиваясь к каждому зловещему скрипу старых деревянных половиц под моими ногами, и закрыла дверь.

– Иди сюда, – тихо позвала меня мама, словно кто-то мог нас подслушать.

Она села на деревянный пол и подняла короткую и узкую дощечку. Просунув руку в образовавшуюся щель, мама достала что-то завернутое в черный полиэтиленовый мусорный пакет.

– Главное, запомни, какая дощечка не прибита, а то можно целый день искать и не найти, – предупредила мама. – Постарайся запомнить ее. Она по счету двадцать первая от бокового окошка.

– Запомнила, – сказала я, не совсем еще понимая, зачем мне это надо.

Мама медленно, торжественно развернула пакет, и я увидела там пачки стодолларовых купюр. У меня от удивления чуть глаза не вылезли из орбит, и я поморгала, чтобы убедиться, что это не сон.

– Откуда это у тебя?

– Это все тебе для учебы, для жизни, – довольно улыбнувшись, пояснила мама.

– Мама, ты банк ограбила?

– Не угадала. Это деньги, скопленные мною за всю жизнь. Твой родной отец давал мне деньги, пока мы не расстались, и я решила собирать их для будущего ребенка, словно чувствовала, что так надо. А Андрей, когда занимался продажей машин, не знал даже, сколько их есть в доме. Я осторожно, потихоньку, денежка к денежке, добавляла их в этот вот заветный мешочек.

– Мама, этого я от тебя никак не ожидала, – со смехом сказала я.

– Приходили его дружки, сорили деньгами – в прямом смысле – на пьяную голову, а я все сюда их несла. Знаешь, Паша, признаюсь тебе честно: я даже подворовывала денежки потихоньку у этих пьяных тварей. Ну, и у отца тоже.

Мы обе рассмеялись, все еще сидя на полу.

– Ну ты и Плюшкин! – воскликнула я.

– Я не Плюшкин! – в шутку возмутилась мама. – Скуп – не глуп! Я предусмотрительная, экономная, бережливая... э-э-э... Еще какая я?

Она смешно загибала пальцы, перечисляя свои достоинства.

– Хитрая! Ты – хитрая рыжая лиса!

– Да, я такая! Я хочу, чтобы мой маленький рыженький лисенок имел деньги, хотя бы на первое время!

– Давай положим клад на место.

– Давай. Только хорошенько запомни, где он лежит.

– Я могу забыть дома ручку или тетрадь, но где денежки лежат – никогда! – засмеялась я, а потом серьезно сказала: – Мы можем хоть сейчас уехать с тобой из этого дома.

– Нет, не можем, – вздохнула мама. – Этих денег нам на двоих и на твою учебу не хватит. У меня в запасе есть еще несколько лет, и давай больше не будем поднимать этот вопрос.

Мы завернули деньги в пакет и, засунув его под пол, вставили дощечку на место. С этого дня я рьяно взялась за учебу. Нельзя сказать, что я до этого училась плохо, но теперь я

знала, что не могу, не имею морального права не оправдать мамины надежды. Я должна была окончить школу с золотой медалью и без всяких блатов и взяток поступить в медицинский. Я окунулась в учебу с головой, и время для меня полетело очень быстро. Незаметно приближался день окончания школы, и мы с мамой заранее, за несколько месяцев до выпускного, начали готовиться к моему побегу.

Чтобы не вызывать у отца подозрений, мы решили собрать мои нехитрые пожитки и спрятать их на чердаке в старом шкафу. Сначала там появилась одна дорожная сумка, затем – вторая, поменьше. Мы тайком покупали мне нижнее белье, пижамы и ночные рубашки, халатики, тапочки, спортивные костюмы, кроссовки и даже зубную пасту и щетки. Все это в отсутствие отца аккуратно складывалось в сумки, потом перекладывалось по-новому или просто доставалось, когда нам хотелось помечтать о будущем.

– Скоро выпускной, – как-то раз грустно сказала мама. – Ты пойдешь?

– Мама, не смей меня! Какой выпускной? Выпускной – это вечер прощания с друзьями, с детством. Друзей у меня нет, а с детством я уже давно простилась.

– Разве ты не хочешь надеть красивое платье? Распустить наконец-то свои волосы?

– Красоваться перед отцом? – ляпнула я не подумав и, чтобы сгладить неловкость, заговорила о другом: – Давай лучше посмотрим, как у меня волосы отросли.

Волосы я начала отрачивать более двух лет назад. Но мне приходилось их скручивать в тугой бабушкин узелок на затылке.

– Давай, – согласилась мама.

Я вынула шпильки, раскрутила узел и тряхнула головой, дав волосам волю. Они золотистой волной рассыпались по плечам и, почувствовав свободу, запрыгали по спине веселыми пружинками.

– Ну как? – покачивая головой, спросила я.

– Шикарно! – восхитилась мама, поглаживая мои волосы.

– Такие, как у тебя были?

– Да, как у меня. Нет, у тебя они еще красивее, пышнее и больше выются.

– Полюбовались – и хватит. – Я начала собирать волосы в узел.

Они не успели нарадоваться свободе и никак не хотели скручиваться. Пришлось нам с мамой вдвоем их вылавливать по всей спине...

Я заранее получила у директора свой аттестат и золотую медаль. Собрав нужные документы, мы положили их в одну из сумок, спрятанных на чердаке. Мама купила мне билет на поезд. Я должна была уехать за день до выпускного вечера в школе. Накануне отец спросил меня:

– Ты идешь на выпускной? Что-то ты родителей не приглашаешь!

– Иду. Я приглашаю вас – это само собой разумеется, – соврала я, чувствуя, как задрожали от страха коленки.

– Ты так пойдешь? – Он презрительно осмотрел меня с головы до ног и ехидно усмехнулся.

– Нет, конечно.

– Где же твое платье?

– К выпускному будет готово. Его еще шьют, – ответила я, удивляясь своей сообразительности. Даже не подозревала, что могу так ловко врать!

– А-а-а, – протянул он и опять уткнулся в телевизор.

Оставалось только избавиться от отца в день моего отъезда. Для этого мама берегла заранее выписанный рецепт на таблетки феназепам. Их можно было купить только в городской аптеке. Планировалось отправить отца в город утром на машине, и тогда я могла бы спокойно проститься с мамой и уехать.

Никогда не забуду тот день. Я ждала его столько долгих лет, мечтала о нем по ночам, готовилась к нему. Он был для меня как прекрасный сон, и я думала, что, когда он наступит, я буду чувствовать себя на седьмом небе от счастья. Наступило утро, и отец уехал в город, а мне стало почему-то ужасно грустно и страшно. Пугала неизвестность, и новая жизнь, такая долгожданная и желанная, казалась не такой уж радужной. Я верила, что она будет прекрасной, но теперь подумала, что, возможно, меня ждут и новые испытания. А еще я не представляла своей жизни без мамы. Как же мне не хотелось оставлять ее здесь, с этим зверем, больную, запуганную и такую одинокую!

– Ты не беспокойся обо мне, – сказала мама, словно прочитав мои мысли, – со мной все будет в порядке.

– Я заберу тебя отсюда, – твердо и уверенно сказала я.

– Хорошо, но только когда закончишь учебу.

– Нет, раньше.

– Как только сможешь. Договорились?

Я энергично покивала.

– Идем за вещами? Деньги я уже положила на дно сумки.

– Надеюсь, не все?

– Все, – ответила мама, и я больше ничего не сказала: было понятно, почему она отдает мне свои сбережения.

Мы взяли сумки и вышли из дома. До железнодорожного вокзала было далеко, и мы поймали такси. Я с опаской оглянулась, боясь увидеть сзади машину разъяренного отца.

– Доченька, прежде чем распускать волосы, купи бальзам для волос, он укрепит их, придаст им блеск, – давала последние наставления мама.

– Хорошо, мама, хорошо.

– А туфли на высоком каблуке сразу не надевай на улицу. Во-первых, сначала надо дома научиться в них ходить – есть риск подвернуть ногу, а во-вторых, помнишь, как должна женщина ходить?

– Конечно. Красиво, грациозно, словно модель по подиуму.

– Хорошо питайся, не экономь на еде.

– Мамочка, не беспокойся обо мне. Я помню все-все, чему ты меня учила, – улыбнулась я, стараясь не показать волнения, охватившего меня.

Мы недолго ждали поезда. Он заявил о своем прибытии громким протяжным гудком и громоханием колес по рельсам.

– Доченька, тебе пора, – сказала мама и взяла одну сумку.

Мы подошли к нужному вагону.

– Видишь, мама, я даже поеду в седьмом вагоне, а семерка – счастливое число. Значит, все будет о'кей.

– Я это знаю, знаю.

– Мамочка, как бы то ни было, знай, что я тебя очень люблю. Ты – самая лучшая мама, и я... я заберу тебя, – сказала я, ставя сумки в тамбур. – Я обязательно тебя заберу отсюда.

Я обняла маму и прижала ее к себе.

– Мне пора, – прошептала я, проглотив комок, застрявший в горле.

– С Богом! – сказала мама и поцеловала меня в щеку.

Я поднялась в вагон, и проводница закрыла дверь. Поезд издал длинный гудок и плавно тронулся. Я забежала в свое купе и высунула голову в открытое окно.

– Мамочка, до свиданья! – закричала я, пытаюсь переорать стук колес.

На перроне осталась стоять моя мама. Она махала мне рукой, а я смотрела, как ее одинокая худенькая фигурка отдаляется от меня, становится все меньше и меньше. На глазах у меня выступили слезы, и мамина фигурка стала расплываться, а когда слезинки полились

по щекам, ее уже не было видно — она исчезла за поворотом, осталась в прошлой жизни. Я мысленно навсегда попрощалась с детством, и домик на колесах повез меня в далекую, неведомую, новую, взрослую жизнь.

Чудесное превращение Гадкого утенка

Прямо на перроне толпа женщин предлагала выходящим из вагонов пассажирам снять у них квартиру. Я хотела снять однокомнатную квартиру с минимумом комфорта, но чтобы жить там одной. Меня совершенно не смутило то, что люди на перроне провожали меня любопытными и удивленными взглядами, принимая то ли за чокнутую, то ли за староверку. Мне было абсолютно все равно, что они обо мне думали.

Устроившись в скромной квартирке, где было только самое необходимое, я довольно осмотрела свое жилище, смакуя вкус свободы. Не переодеваясь, я сбегала в ближайший магазин и купила продукты. Приготовив суп, с удовольствием поела.

Подойдя к зеркалу, висевшему в коридоре на стене, я в последний раз окинула взглядом Гадкого утенка.

– Ну что, Андерсен, пришло время превращения в прекрасного лебедя? – произнесла я.

Выйдя на улицу, я пошла по проспекту, рассматривая вывески и таблички на всех зданиях. Наверное, я прошла два или даже три квартала, прежде чем увидела у двери на первом этаже многоэтажки табличку «Салон красоты “Афродита”». Уверенным шагом я вошла внутрь, и о моем появлении оповестил звонкий колокольчик, висевший над дверью.

Вышедшая мне навстречу крупногабаритная дамочка сказала:

– Женщина, если вы по поводу работы уборщицей, то уже поздно. Мы взяли человека.

– Это же салон красоты? – ничуть не робея, спросила я, отстраняя ее со своего пути легким движением. – Так значит на вывеске у входа.

– Девушка, что вы хотели? – спросила меня миловидная блондинка, подошедшая сбоку.

– А что вы можете предложить?

– Все, что пожелает клиент.

Я сняла очки, вытащила шпильки из волос, распуская их, и посмотрела ей прямо в глаза.

– Это салон красоты, и я хочу быть красивой, – чеканя каждое слово, сказала я и добавила: – Очень красивой. Или я не туда попала?

– Пожалуйста, пройдемте со мной.

И вскоре начались чудесные превращения. Сначала мне подравняли волосы, сделали челку и стали колдовать с волосами, чтобы придать им блеска и шелковистости. Волосы, явно истосковавшиеся по свободе, вскоре порадовали меня. Они стали пушистее и сверкали на солнце. При ходьбе они отплясывали в такт моим движениям, отливая необыкновенным бронзово-рыжим цветом.

Мне выщипали мои густые рыжие брови, придав им красивый изгиб, и покрасили в черный цвет. Мои прямые пушистые и густые светло-рыжие реснички тоже были покрашены и красиво закручены.

– Вам не придется пользоваться тушью – у вас изумительные, густые и длинные ресницы, – объяснили мне.

Действительно, темные ресницы сделали мои глаза очень выразительными. И, чтобы не прятать за очками свои зеленые раскосые кошачьи глаза, я тут же подобрала и купила контактные линзы. Мой труженик нос наконец-то освободился от больших тяжелых очков, которые столько лет носил на переносице. Оказалось, что он у меня тонкий, прямой и довольно-таки симпатичный.

Больше всего хлопот доставили мои веснушки. Оказалось, что их не так уж и много, но они мне изрядно надоели, и я решила от них избавиться путем отбеливания кожи. Только потом я пошла загорать в солярий. Через пять дней моя белоснежная кожа приобрела приятный, мягкий цвет загара.

Когда я зашла в модный бутик женской одежды, молодые продавцы стали с нескрываемым любопытством рассматривать меня. Я их понимала и не обижалась. Перед ними была молодая красивая девушка с ровным загаром, ухоженными руками и модным маникюром, с роскошными волосами, но в сарафане-балахоне и старых мокасинах. Наверное, я была похожа на сбежавшую из театра актрису в каком-то непонятном, дурацком костюме. Продавцы стояли на своих местах, не зная, что им делать: встречать покупателя или культурно выдворить его за дверь.

– Здравствуйте, – обратилась я к одной из них, чтобы привлечь ее внимание. – Можно вас на минутку?

Девушка, которой наверняка приходилось обслуживать самых разных покупателей, подошла ко мне с искусственной улыбкой и пропела приятным голосом заученные фразы:

– Здравствуйте. Мы очень рады, что вы решили посетить наш магазин. Чем могу помочь?

– Мне надо подобрать одежду.

– Что вас интересует? Можем вам предложить из новой коллекции... – продолжала говорить девушка нараспев.

– У меня есть только то, что вы видите на мне, – не испытывая ни малейшего стеснения, сказала я. – Но эта одежда меня не устраивает. Я хочу одеться модно, стильно и не очень дорого.

– Замечательно. Для какой цели вам нужна одежда?

– Для посещения занятий в институте – это раз, – стала перечислять я, загнув один из своих длинных красивых пальцев. – Во-вторых, для прогулок по вечерам, в-третьих, вечернее платье, а кроме всего этого – просто удобные и практичные одежда и обувь для улицы.

Не знаю, поверила девушка мне сразу или после минутного размышления, но она все-таки пошла подбирать мне одежду.

– Учтите, я должна в ней чувствовать себя комфортно и не выглядеть так, как сейчас, – сказала я девушке.

– Желание покупателя для нас – закон, – улыбнулась мне она.

Только ближе к обеду я с огромными пакетами покинула бутик. Меня провожал весь коллектив магазина. Я стала для них загадкой, которую они будут долго разгадывать: откуда появилось такое чудо с большими деньгами?

Дома я развесила все вещи в шкафу. С краю я все-таки повесила свой потрепанный сарафан и белую блузу с короткими рукавами, застегивающуюся под самую шею.

Мне пришлось немало потрудиться, пока я научилась ходить в туфлях на высоком тонком каблуке. Почувствовав себя в них уверенно, я надела короткое розовое платье и впервые в таком наряде вышла на улицу. В этот раз мне уже не было так страшно, как дома, когда я нарядилась в шорты и топик Вали. Каждое мое движение, шаг, поворот головы – все было идеально отрепетировано в квартире. Уверенным движением отбросила волосы назад, гордо вскинув голову, слегка повиливая бедрами и громко стуча каблучками черных лакированных туфелек, я шла по многолюдным городским улицам. Ради этого момента торжества я пережила столько унижений и неприятностей! Я верила в то, что говорила мне мама, и чудо произошло – Гадкий утенок превратился в прекрасного лебедя, и это заставляло радостно трепетать мое сердце. На моих губах играла легкая, счастливая улыбка, когда прохожие бросали на меня восхищенные взгляды. Пожилые женщины, наверное, вспоминали свою молодость, дедушки – первую любовь, парни скользили по мне откровенно-жадными взглядами, а девушки или восхищались, или завидовали. А я дарила каждому лучезарную улыбку, говоря всем своим видом: «Смотрите, какой я стала! Я красивая, я счастливая, и вы тоже будьте счастливы!» Душа моя ликовала, пела, парила где-то высоко-высоко, где синело бездонное небо, и я была полна надежд на прекрасное будущее.

Неля

Я легко поступила в медицинский институт, и мне дали место в общежитии. Это было обычное пятиэтажное здание со стандартной планировкой. Длинный, плохо освещенный коридор, в конце которого находилась общая кухня, где студенты ждали своей очереди готовить на плите, обменивались шутками и институтскими новостями, иногда ругались и воровали мясо из чужих кастрюль с борщом. По обе стороны коридора располагались небольшие комнатки с кроватями, шкафом и письменными столами. Но для студентов все в радость – и компот без сахара, и постный борщ, и тройка в зачетке, и даже такие тесные комнатки.

Со мной в комнате жила Неля. Это была простая, веселая деревенская девчонка с карими глазами, короткой стрижкой, невысокого роста и немного полноватая. Мы с ней быстро сдружились и нашли общий язык. Неля рассказала, что у нее прекрасные родители, есть еще две младшие сестрички-школьницы.

– А кто есть у тебя? – спросила Неля.

– Есть мама, она была когда-то директором школы, но сейчас не работает, так как болеет, – сказала я и вспомнила, что опять не написала маме письмо, отложив это «на завтра».

– А отец?

Я замялась, не зная, как ответить на этот вопрос, но быстро взяла себя в руки и сказала:

– Я никогда не видела своего отца, а росла с отчимом.

– Наверное, он не очень хороший? – участливо спросила Неля, уловив нотки грусти в моем голосе.

– Отчим у меня настоящее собачье дерьмо, – ответила я. – Даже не хочется ехать домой.

– И на рождественские каникулы не поедешь?

– Нет. Буду ждать летние.

– Поедем тогда ко мне! – У Нели загорелись глаза. – Вот увидишь, у меня классные родаки!

– Спасибо, Нелечка, но мне надо заниматься, – сказала я, подумав, что поехать в гости к Нелиным родителям – это значит предать мою маму.

Я задумалась, уставившись невидящим взглядом в стену. Почему-то, с головой погружаясь в студенческую жизнь, я редко писала маме. Я, конечно же, часто вспоминала о ней, ее школа жизни мне очень пригодилась. Уезжая, я обещала писать почаще и обо всем подробно рассказывать, а писала редко, и письма у меня получались коротенькие. Мне стало грустно, когда я представила, как она лежит больная в комнате, одна, всеми забытая, как она бежит каждый день навстречу почтальону в надежде получить письмо от меня, но тот разводит руками, и она идет в вонючий опостылевший дом, подавленная и разочарованная. Не знаю, почему, стараясь все продумать заранее, мы с мамой не купили себе мобильные телефоны. У отца мобильник был, но я не могла при нем обо всем поговорить с матерью. «Я эгоистка, просто сволочь», – отругала я себя и решила, что к Новому году куплю два телефона и один из них отошлю по почте маме в качестве подарка.

За месяц до праздника я так и сделала – купила ей простенький недорогой телефон. Уже через несколько дней мама мне позвонила, и я услышала ее такой родной голос.

– Пашенька, доченька, я так рада тебя слышать! – сказала мама, и в ее голосе было столько радости, что мне стало очень стыдно за свои ненаписанные письма.

– Мама, мамочка, мамуля! – В эти три слова я вложила всю свою любовь и нежность. – Я так скучаю по тебе! Как ты?

– Я? Нормально, солнышко мое. Все хорошо, не волнуйся.

– Он все так же пьет? – спросила я, не в силах заставить себя произнести слово «отец».

– Честно?

– Конечно!

– Он пьет гораздо больше, чем раньше, – голос мамы был тихим и печальным.

– Значит, чаще поднимает на тебя руку?

– Как тебе сказать... – мама замаялась.

– Мама, ты учила меня быть честной. Расскажи мне все как есть, – попросила я ее.

– В общем, после твоего отъезда он будто взбесился. Начал пить ежедневно и много.

Ну а потом... потом... Ты сама все знаешь, – вздохнула мама.

– Я убью его! – воскликнула я. – Убью!

– Доченька, никогда не пускай в свое сердце злость, жажду мести и ненависть. Пусть оно будет у тебя чистым, добрым. Свою душу надо наполнять чем-то светлым, солнечным, а плохое пусть останется вне тебя.

– Мамочка, это красивые слова, а есть еще жестокая реальность, в которой я оставила тебя, а теперь виню себя за это каждый день. Нам надо было уехать вдвоем! Тебе больше нельзя оставаться там!

– Мы же договорились, помнишь? Как только ты выучишься, забереешь меня, – напонила мне мама.

– Нет, мама, я заберу тебя сейчас же!

– Пашенька, я терпела много лет, потерплю еще. Ты, главное, учись, не думай обо мне.

– Мама, я приеду летом и обязательно заберу тебя, – сказала я тоном, не терпящим возражений. – Мы снимем квартиру и будем жить вместе.

– Хорошо, Паша, – согласилась мама, немного подумав. – Договорились. Я буду ждать тебя летом. Но тебе ведь нужны будут деньги на оплату учебы не за один год. Плату могут повысить, а еще нам придется оплачивать съемную квартиру и вдвоем питаться, так что денег не хватит. Что мы будем делать?

– Я буду работать санитаркой. Думаю, это пойдет мне на пользу, – решительно заявила я.

– А как же учеба? Как твоя личная жизнь? Для всего нужно время.

– За учебу не волнуйся. Ты же знаешь, мне легко все дается. А личной жизни пока нет.

– У тебя до сих пор нет мальчика? – удивилась мама.

– Пока нет.

– Но почему?! Они не обращают на тебя внимания?

– Обращают! Еще как обращают! Но почему-то я пока ни на кого не обратила внимания.

– Значит, еще не пришло время. А когда оно придет, ты встретишь его и поймешь, что без него не можешь жить, есть, пить и даже дышать, – произнесла мама мечтательно.

– Так бывает?

– Еще как бывает! А в момент близости, когда ты ощутишь на себе его дыхание, почувствуешь, как бьются в унисон ваши сердца, тебе покажется, что ты можешь свернуть горы и даже взлететь до звезд.

– Да ну тебя, мама! – засмеялась я. – Скажешь тоже! Тебе бы книги писать, а не на пьяную рожу смотреть. Ничего, мамуль, мы еще покажем этим мужчинам, на что мы, рыжие, способны!

– Точно! Кстати, ты не перекрасила волосы?

– Ни за что! Я горжусь тем, что я такая же рыжая, как и ты, мама!

...Время полетело быстро после того, как мы стали общаться с мамой по телефону. И я поняла, почему я, несмотря на множество друзей и подруг и уверенность в своей красоте, все равно испытываю какой-то внутренний дискомфорт. Мне не хватало ее, мамы.

В начале марта Неля поехала домой к родителям. Я провожала ее на вокзал, и она весело щебетала и шутила. Она вообще была смешливой и шустрой девчонкой, и мне нико-

гда с ней не было скучно. Мы поцеловались на прощанье, и она запрыгнула на ступеньки уже тронувшегося поезда.

– Павлинка, жди меня! Не скучай! – прокричала она и помахала мне рукой.

Неля не знала и, наверное, даже не предчувствовала, что едет на похороны своих близких. Моя интуиция тоже молчала, я и предположить не могла, что вижу ее смеющейся и такой веселой в последний раз. Как я потом узнала, в доме родителей ночью произошло короткое замыкание в розетке и начал тлеть свернутый в рулон ковер, стоявший у стены возле розетки. Вся Нелина семья – отец, мать и две сестры задохнулись от угарного газа во сне. Неля приехала домой и увидела во дворе четыре трупа родных ей людей. Прямо с похорон ее увезли в психиатрическую больницу. Именно тогда у меня мелькнула мысль: «Почему такое случилось с хорошим человеком, почему с моим отчимом ничего ужасного не происходит?» Вскоре у меня созрел план, и я позвонила маме и попросила застраховать дом на год на большую сумму. Она была удивлена такой просьбе, но пообещала ее выполнить.

Я нашла больницу, где находилась на излечении Неля. Меня пустили к ней в палату. Когда я зашла внутрь, за мной сразу же закрылась, громыхнув, металлическая решетчатая дверь. На кровати неподвижно лежала Неля, и даже грохот закрываемой двери не заставил ее пошевелиться, а на ее лице не дрогнул ни один мускул. Застывшие невидящие глаза смотрели безучастно мимо меня.

– Нелечка, Неля! – позвала я подругу и увидела, что ее веки дрогнули, но больше она никак не отреагировала на мое появление. – Неля, ты слышишь меня? Это я, Павлина. Я принесла тебе бананы. Ты же любишь их, я знаю, ты любишь бананы.

Неля оставалась безучастной. Я пыталась поговорить с ней, покормить – бесполезно. С тяжелым сердцем я покидала душную и безмолвную больничную палату...

В середине мая я возвращалась домой с занятий. У меня было прекрасное настроение. Завтра не надо рано вставать и бежать сломя голову на пары, можно будет сколько захочу нежиться в постели, а потом лениво прошлепать в кухню и поставить чайник на плиту. В воздухе витал аромат весны – пахло сиренью и свежей зеленью, не успевшей покрыться пылью. Где-то в кронах деревьев своей жизнью жили птицы, радуясь приходу весны и наступившему теплу.

Я подходила к общежитию, весело и игриво размахивая сумочкой. Мой взгляд невольно устремился на летящий из окна вниз какой-то предмет. Сначала мне подумалось, что кто-то из студентов выбросил из окна пакет с мусором, что иногда случалось, но потом я с ужасом поняла, что на землю падал человек. Послышался глухой удар – человек упал на асфальт, и в тот же миг раздался дикий, нечеловеческий крик девушки, оказавшейся рядом. Я побежала к месту трагедии. На тротуаре, распластавшись, лицом вниз лежала Неля.казалось, что она просто прилегла и прислушивается, что происходит там, в глубине земли. Но при виде расплывающейся вокруг головы лужицы крови я пришла в себя и бросилась к подруге. Я повернула ее голову и увидела все те же невидящие глаза и разбитую черепную коробку, из которой хлестала кровь. Я поняла, что шансов выжить у Нели нет, но, вспомнив, чему меня учили, приложила дрожащую руку к ее шее. Пульса не было. Я подняла голову и увидела открытое окно нашей комнаты на четвертом этаже. «Я потеряла подругу, едва найдя ее», – мелькнула мысль, когда завывла сирена подъезжающей скорой.

Как в тумане, ничего не видя перед собой, спотыкаясь, я еле дотащилась на ватных ногах на четвертый этаж. Возле нашей с Нелей комнаты стояла комендант с бледным, перепуганным лицом.

– Павлина, комната заперта изнутри, и милиция попросила ее пока не открывать, – сказала она.

Я молча кивнула и устало присела на корточки, прислонившись спиной к холодной стене. Я пыталась взять себя в руки, твердила, что так нельзя, – я ведь будущий врач. Но первая встреча со смертью меня напугала и вызвала состояние шока.

Я смутно помню, как пришли следователи, как я дрожащими руками повернула ключ в замке, и они гурьбой вошли в комнату, позабыв обо мне. Я потеряла счет времени и сидела в коридоре в каком-то оцепенении.

– Девушка, вставайте! – услышала я над собой мужской голос и увидела протянутую ко мне большую руку.

Я протянула свою маленькую ручку, и ее схватила сильная мужская рука, поднимая меня с пола.

– Вы Павлина Андреевна Романюк? – услышала я и прямо перед собой увидела приятное лицо молодого человека и его внимательные и умные голубые глаза.

– Да, это я, – ответила я и не узнала свой голос. Он был глухим и чужим.

– Павлина Андреевна, вы можете говорить? – спросил молодой человек, который до сих пор держал меня за руку.

Я постепенно приходила в себя и вдруг подумала о том, что я и не заметила, как в институте мое мальчишеское имя Паша сменилось данным при рождении именем Павлина.

– Да, могу, – сказала я уже более твердо.

– Тогда пройдите в свою комнату, нам надо поговорить.

Я вошла внутрь и вздрогнула, увидев настежь распахнутое окно, из которого шагнула в небытие Неля. Мы остались в комнате вдвоем – я и следователь. Он мне задавал вопросы о жизни Нели, и я рассказала о трагедии, произошедшей с ее близкими, и о том, как я навещала подругу в больнице.

– Когда она вернулась из больницы? – спросила я следователя, наконец исчерпавшего свои вопросы.

– Несколько часов назад, – ответил он.

– Зачем она это сделала? – задала я вопрос скорее себе, чем ему.

– Павлина Андреевна, нам, возможно, еще понадобится ваша помощь, поэтому оставьте мне номер вашего телефона, – попросил он.

Я с трудом его вспомнила.

– Вот моя визитка, – сказал он, протягивая ее. – Меня зовут Юрий Андреевич. А теперь прочтите и распишитесь.

Я поставила свою подпись под протоколом и повторила свой вопрос:

– Зачем она это сделала?

– Павлина Андреевна, ваша подруга оставила вам записку. Прочтите ее сейчас, потому что я вынужден буду ее забрать.

Он протянул мне лист бумаги, наспех вырванный из тетради в клеточку. Я взяла его, и он запрыгал, задрожал в моих руках от бившей меня мелкой дрожи. Под громкий стук своего сердца я прочла:

«Дорогая Павлиночка! Я не сумела перенести такой удар судьбы. Потерять своих любимых и близких людей в один миг – это уж слишком! Наверное, все скажут, что я слабая. Возможно, так оно и есть. Я понимаю, что я не нажилась, не насладились жизнью, недолюбила, но справиться с такой болью у меня нет сил. Я хочу быть там, с ними. Все то хорошее, что было мне предназначено судьбой, я, как наследство, оставляю тебе, своей близкой подруге. Люби за двоих, радуйся жизни и пусть мое счастье достанется тебе! Прощай, моя хорошая! Люблю тебя. Прости и не осуждай меня хоть ты.

Твоя Нелька»

На лист бумаги закатали мои крупные слезы и расплылись большими пятнами. Только теперь я горько расплакалась. Следовательно, не найдя слов утешения, обнял меня за вздрагивающие от рыданий плечи, и я уткнулась лицом в его крепкое плечо. Впервые в жизни я интуитивно искала поддержки у мужчины, и его плечо показалось мне таким надежным и таким уютным.

– Не надо плакать, лисенок, – услышала я его успокаивающий низкий приятный голос. – Жизнь продолжается, и все будет хорошо.

Слово «лисенок» было произнесено как бы невзначай, но в нем было столько нежности и заботы, что я поверила в то, что у меня все будет хорошо.

Первое свидание

Через две недели после несчастья, случившегося с Нелей, ко мне зашел Юрий Андреевич. Я открыла ему дверь и пригласила войти.

– Здравствуйте, Павлина Андреевна, – официальным тоном произнес он и остановился посреди комнаты.

При нашей первой встрече я была шокирована случившимся и плохо запомнила его лицо. Сейчас у меня было достаточно времени, чтобы рассмотреть его. Юрий Андреевич был выше меня ростом и немного старше. Рядом с ним, крепким и широкоплечим, я выглядела Дюймовочкой. Коротко и аккуратно подстриженные темно-русые волосы, волевой подбородок, круглое лицо, ровный нос и темно-голубые, пытливые, живые и добрые глаза – его нельзя было назвать красавцем, но это явно был человек надежный и искренний, человек, которому не присущи хитрость и лживость. «Наверное, таких людей называют не красивыми, а милыми, – подумала я. – Они привлекают внимание, на них хочется смотреть».

Юрий Андреевич, большой и сильный, сконфузившись, топтался на одном месте, словно медведь. И это выглядело так нелепо и смешно, что я не выдержала и прыснула, как глупая девчонка.

– Лисенок, зачем ты так? – спросил он и сделал обиженное лицо.

– Простите, – пытаюсь сдержать смех, сказала я. – Чаю хотите?

– Хочу! – обрадовался он и сел на стул.

Я притащила из общей кухни закипевший чайник и заварила зеленый чай.

– Здорово! – отпив из чашки, сказал он и протянул мне руку. – Юра.

– Я знаю. – Я опять рассмеялась. – Я помню вас, Юрий Андреевич.

– Можно просто Юра. Зачем же Андреевич? Я не на работе.

– А я думала, вы зашли по делу.

– Я всегда захожу по делу.

– И что же вас привело сегодня ко мне?

– Можно на «ты»? Я хочу тебя, лисенок, пригласить вечером на чашечку кофе. – Он посмотрел мне в глаза и улыбнулся своей широкой лучезарной улыбкой.

«Самоуверенный и наглый, – отметила я про себя. – Наверное, привык, что ему не отказывают».

– А я вот возьму и соглашусь, – неожиданно для себя сказала я. – Но почему «лисенок»?

– У тебя необыкновенные зеленые глаза.

– У лис разве зеленые глаза?

– Конечно! А еще у тебя рыжие волосы, как у лисы.

– Это точно, как у лисы. Только, к твоему сведению, у лисы не волосы, а шерсть, – сказала я шутливым тоном, не заметив даже, что перешла на «ты».

...И вот мне предстояло идти на первое свидание. Я испытывала противоречивые чувства – радость и тревогу. Юра меня не волновал так, как когда-то соседский мальчик, но он, без сомнения, мне нравился. Что-то в нем было такое, что притягивало меня к нему, как магнитом. С ним было просто и спокойно – это я почувствовала сразу. Мне не нужно было играть, кокетничать, строить глазки, я могла оставаться собой. И все же в моей душе поселилась тревога. Я боялась ошибиться, как моя мама когда-то. Мне было страшно испытать безответные чувства, эту невыносимую пытку. А еще я боялась близости с мужчиной настолько же, насколько и желала ее. «Главное – чтобы он не сделал ошибку и не потребовал от меня всего сразу, – думала я. – Эти страхи пройдут, должны пройти. Нужно только время. Так говорила мне мама. Но захочет ли он ждать?»

Я достала свое вечернее платье, которое еще ни разу не надевала. Погладив руками шелковистую атласную ткань бордового цвета, я подумала, что напрасно не спросила, куда мы пойдем вечером. Если в ресторан, то это платье будет к месту, и в нем я выглядела бы королевой. Но если мы пойдем в летнее кафе, то я в нем буду выглядеть полной дурой. Я стала перебирать свою одежду, висящую на плечиках в шкафу, и наткнулась на коротенькое розовое платьице. В нем меня впервые увидел Юра, и оно подойдет для посещения любого заведения. Я достала новое нижнее белье, которое ни разу не надевала. Проверив, заперта ли дверь, я переоделась, подумав о том, что так и не смогла избавиться от устоявшейся привычки запираť дверь перед тем, как переодеться. Розовое платье приятно скользнуло по моему телу, обхватило талию и разлетелось вниз. Покрутившись перед облезлым зеркалом на створке старого шкафа, я осталась довольна собой. Простенько, но со вкусом.

Я открыла маленькую сумочку, которую собралась взять с собой, и проверила еще раз ее содержимое. Здесь были блеск для губ – обязательный атрибут женщины, влажные салфетки и кошелек с деньгами. Я вспомнила уроки мамы и улыбнулась. «Паша, у тебя всегда должны быть с собой презервативы, – учила она меня. – Возьми себе за правило: в кошельке, в отдельном кармашке, должен всегда быть хотя бы один презерватив. Ты же из дома всегда выходишь с кошельком? Всегда. Значит, ты будешь всегда его иметь при себе». Но в моем кошельке (увы!) его до сих пор не было. Пусть простит меня мама за то, что я не последовала ее совету, но я не собиралась прыгать в койку к парню, которого совсем не знала. А что, если мы окажемся в его квартире одни? Я представила, как чужие руки касаются моих коленей, и мне стало дурно. В голове зашумело, и необъяснимый страх холодком пробежал по спине. Я знала, что рано или поздно мне предстоит заниматься сексом, но до сих пор не была к этому готова. Детские страхи крепко засели в моем подсознании. Мне надо было прийти в себя и успокоиться. Выпив залпом стакан холодной воды, я присела на стул и принялась делать дыхательные упражнения. Глубокий вдох, потом выдох. И прочь мысли об отчине. Его нет в моей жизни. Тот кошмар остался в прошлом. Сейчас есть Юра, и я ему, похоже, нравлюсь. Он не насильник и не извращенец. Значит, у меня все будет нормально. Самовнушение подействовало, и я успокоилась.

Я нетерпеливо взглянула на часы. Было восемь часов вечера. Юра должен был подъехать к общежитию на своей машине и посигналить под моим окном. Только я вспомнила об этом, как услышала сигнал и выглянула в окно. Внизу, почти на том месте, где лежало тело Нели, я увидела «Мицубиси Аутлендер» цвета металлик. Возле машины стоял Юра и махал мне рукой. Я быстренько заперла дверь, и мои каблучки весело постучали вниз по ступенькам, неся меня на первое свидание.

Мы решили пойти посидеть в кафе, носящее совершенно справедливое название «У озера», так как оно действительно было расположено на берегу небольшого озера. Юра взял меня за руку, и моя маленькая худенькая ручка утонула в его теплой лапе. Для нас был забронирован столик на летней площадке, откуда открывался прекрасный вид на тихое озеро и вплотную обступавшие его молчаливые старые ивы.

Я пыталась не пропустить и запомнить каждое движение Юры, слово, фразу, каждый жест, взгляд, нежное прикосновение руки. Мне шел девятнадцатый год, но я до сих пор ни разу не была на свидании и даже ни с кем не целовалась. Для меня все было впервые, поэтому важна была каждая мелочь, каждая деталь. Мне казалось, что мы знакомы с Юрой давно, даже очень давно, а не с того момента, как две недели назад он назвал меня лисенком. Мне был приятен низкий, грудной тембр его голоса, его уверенность в себе и в то же время некая робость. Он не был навязчив и надоедлив, к тому же оказался интересным собеседником.

– У нас с тобой одинаковые отчества. Ты заметила? – спросил Юра, прервав мои размышления.

– Нет, что вы, господин следователь, – я сделала серьезное лицо, – это могли заметить только вы.

Юра рассмеялся, и в его глазах вспыхнули озорные огоньки.

– О, мадам! Вы тоже можете работать следователем! Вы так же проникательны и умны, как и я! – пошутил он и, посерьезнев, попросил: – Расскажи мне о себе, о своей семье.

– Я студентка, и ты это знаешь. А студенческая жизнь всегда интересна, тем более что я нигде, кроме своего села, не была.

– Вообще нигде?! – удивился он.

– Вообще!

Он помолчал, осмысливая услышанное, а потом сказал:

– Мне так хочется прямо сейчас отправиться с тобой в путешествие вокруг света!

– Ну уж нет! – с шутилой серьезностью возразила я. – У меня завтра занятия и все такое...

– Когда-нибудь я расскажу тебе о тех прекрасных местах, где побывал.

– Много ездил?

– Много. Я побывал во многих странах.

– С родителями?

– Мои родители давно в разводе. Я учился в третьем классе, когда они расстались, – сказал он, и в его голосе я уловила нотки грусти. – Я знаю, ты сейчас не спросишь, но хочешь знать, почему они развелись. Отец встретил другую женщину. Она была младше отца на девять лет, и он стал изменять маме с ней. Мама знала об этом, но хотела во что бы то ни стало сохранить семью. А потом эта женщина родила ему ребенка, и это поставило крест на браке моих родителей. Вот так-то.

– Отец остался с той женщиной? – спросила я, что было не очень-то тактично с моей стороны.

– Представь себе, нет. Не знаю, что там у них произошло, но он уехал и от нее, и от мамы.

– Ты хорошо помнишь своего отца?

– Я никогда не терял с ним связи. Мы и сейчас общаемся. Кстати, с мамой они остались хорошими друзьями, несмотря ни на что. Они современные, воспитанные и умные люди. Я думаю, когда ты с ними познакомишься, тебе понравятся и отец, и мать.

– Ты живешь с матерью? – спросила я, потянув через трубочку коктейль с мороженым.

– Жил с мамой, пока не вырос. Когда стал взрослым, отец купил мне квартиру, – улыбнулся Юра.

– Отец женился потом?

– Нет, не женился. У него бывают женщины, с которыми он тесно общается, но серьезных отношений, приводящих к браку, у него не было. Мама тоже живет одна.

– Может, они до сих пор любят друг друга? – загорелась я. – Может, надо попытаться их воссоединить?

– Не думаю. Их отношения в прошлом, напоминанием о котором являюсь я собственной персоной. Но отец до сих пор содержит маму. А у тебя есть родители? А то все обо мне, да обо мне.

– У меня есть мама, которую я очень люблю, и отчим, которого я совсем не люблю.

– А отец? Где твой отец?

– Я не спрашивала у мамы, где он сейчас. Думаю, она и сама не знает. Они расстались в день моего рождения, и он куда-то исчез и до сих пор не появился.

– Отец тебя ни разу не видел?

– Может, и видел в первый день моей жизни. Но, раз до сих пор не пожелал встретиться со мной, значит, я его не интересую.

– Да-а, – протянул Юра. – Бывают же такие отцы! Мой никогда бы так не поступил. Да ты не жалеешь об этом. Если он такой сухарь, зачем он тебе?

– А как я могу об этом жалеть? Невозможно любить того, кого не знаешь, – горько усмехнулась я. – Для меня важно, чтобы с мамой все было в порядке.

– А что с ней?

И я рассказала о своей маме, о том, какой она была, кем работала, о том, что отчим ее обижает, и сообщила, что хочу этим летом поехать домой и увезти ее с собой. Конечно же, я ни слова не сказала о домогательствах отчима, его нездоровом интересе к девочкам и о попытке изнасилования. Также я умолчала о нелегкой жизни Гадкого утенка.

– Ты правильно сделаешь, если заберешь мать, – сказал Юра.

– Другого выхода нет. Пришло время мне позаботиться о маме.

– Может, вместе поедem на машине и заберем ее? – предложил Юра, и я сжалась от страха. Я не хотела посвящать его в свое страшное прошлое и не могла позволить ему увидеть, с какой похотью смотрит на меня пьяный отчим.

– Нет, нет, спасибо! – немного нервно сказала я. – Я справлюсь сама. Когда приедем, я тебя познакомлю со своей мамой. Она у меня очень хорошая.

– Как скажешь, лисенок. Пойдем потанцуем, – предложил он и протянул мне руку.

Мы танцевали так близко друг к другу, что от его дыхания шевелились завитки моих волос, щекоча мне шею. Я чувствовала биение его сердца, и от этого по моему телу распространялась горячая волна. Ничего подобного я раньше не испытывала. Мне захотелось прижаться к его крепкому, мускулистому телу, от которого исходили тепло и уверенность. Наверное, так чувствуют себя рядом с любящим отцом. Или с любимым мужчиной? Я этого не знала, но моя душа ликovala, пела, и я не ощущала своего тела, как будто оно стало невесомым. Меня поразили эти новые, неизведанные ощущения, и я почувствовала, как они робко, медленно, но неотвратимо заполняют всю мою открытую душу, в которой до этого момента жила только надежда. Странно, но вскоре, неожиданно для себя, я забыла о страхе перед противоположным полом, и меня потянуло к этому малознакомому мужчине. Я ощутила непреодолимое желание быть рядом с ним, дышать с ним одним воздухом и даже раствориться в нем.

Я не заметила, как наши губы нашли друг друга и слились в первом, робком и нежном поцелуе. Меня переполняла радость, а по телу разливался огонь зарождающейся первой любви.

– Давай уйдем отсюда, – шепнул он мне на ухо.

Я кивнула, и мы вышли из кафе, сели в машину и поехали к Юре домой. Не знаю, почему я сразу доверилась человеку, которого почти не знала. Не знаю, была это беспечность с моей стороны или я просто не могла противиться его воле, но я не чувствовала никакого страха. Внутренний голос упрямо подсказывал мне, что со мной не может случиться ничего плохого. И я была спокойна, как удав.

Войдя в подъезд многоэтажного дома, мы поднялись на третий этаж, и Юра широко распахнул передо мной массивную бронированную дверь:

– Прошу.

Я впервые попала в такую шикарную квартиру и ходила по комнатам с открытым от восхищения ртом. Современная планировка, арочные дверные проемы, множество подсвечков, мягко освещающих дорогую мебель, выходящее на балкон огромное, до самого пола, окно, большой плазменный телевизор на полстены, встроенная мебель в кухне с барной стойкой – все это произвело на меня такое впечатление, словно я оказалась на другой планете. Понимая, что вид у меня довольно глупый, я все равно ничего не могла с собой поделаться и продолжала бродить по квартире с широко открытыми от восхищения глазами.

– Лисенок, – наконец вывел меня из этого состояния голос Юры, – кофе будем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.